

Перспективы развития историографии и современного публичного права

УДК 34

Сергей Владимирович Кодан
Институт государства и права РАН
г. Москва, Россия
E-mail: svk2005@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4041-625X
SPIN-код: 8725-9656

Историография в юриспруденции: междисциплинарные пространства взаимодействия

Аннотация. В статье показываются междисциплинарные истоки историографии как относительно нового научного направления в юриспруденции и ее место в отраслевой и дисциплинарной структуре юридической науки. Особое внимание акцентируется на междисциплинарных основаниях и направлениях историографических исследований в социогуманитаристике с их проекцией на сферу исследований государственно-правового характера в юриспруденции. Выделяются сферы коммуникационных взаимодействий историографии в юриспруденции с другими науками социально-гуманитарного профиля в контексте их значения и влияния на спектр историографических исследований в юридической науке.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, историография в социогуманитаристике, историография в научно-познавательной деятельности, историография в структуре юриспруденции, юридическая историография, междисциплинарность юридической историографии

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Развитие современной юриспруденции характеризуется выходом на новые исследовательские направления, возникающие на пересечении с другими областями научного знания и научными дисциплинами. Одним из таких научных направлений в современной юридической науке является историография, которая в последние годы обрела свои контуры (Кодан 2020). Отметим, что в юридической науке уже достаточно четко артикулирована проблема формирования современных подходов к историографическим исследованиям (Горбань 2024). Такое внимание к формирующемуся историографическому направлению в современной отечественной юриспруденции ставит ряд проблем и в первую очередь вопрос о междисциплинарности юридической историографии.

1. Междисциплинарные истоки историографического направления в социогуманитаристике и юриспруденции тесно взаимосвязаны. Прародительницей историографии является историческая наука. В ее рамках формируется понимание историографии в широком смысле как истории исторической науки в целом и отдельных входящих в ее состав научных дисциплин, а также в узком смысле как совокупности исторических исследований, посвященных определенной эпохе, теме, проблеме или относящихся к национальной исторической науке в отдельной стране. Соответственно, историография, уходя своим истоками в историческую науку Древней Греции и Древнего Рима, по мере становления и развития начинает не только определять теоретико-методологические основы изучения историографических процессов в своей области знания, но и оказывать воздействие на изучение истории развития других наук. В европейской, а затем и в российской науке в XIX–XX вв. зародилась и стала устойчивой традиция работы с историогра-

фическими источниками – опора в исследованиях на труды предшественников с представлением в собственных трудах образцов критического анализа вклада ученых в изучаемую область знания.

Историография в XX в. вышла за пределы исторической науки и стала локомотивом для историографических изысканий в различных существующих и возникающих научных дисциплинах и отраслях знаний. Историография позиционировалась в качестве особого направления в философии науки, науковедении, в работах по истории отдельных отраслей научного знания и научных дисциплин. Многочисленные методологические повороты в социально-гуманитарных науках во второй половине XX в. привели к определению новых проблемных полей и междисциплинарных подходов, в результате чего сформировались новые исследовательские направления – историография интеллектуальной истории, биографическая историография, источниковедение историографии и др. К началу XXI в. понимание того, что историография отражает развитие как науки в целом, ее отдельных отраслей и дисциплин, исследовательских направлений, так и научных проблем, становится аксиоматичным.

Историография в современной социогуманитаристике выступает как тип знания синтетического характера и определяет общие теоретические и методологические основы для работы в историографических пространствах науки в целом, отдельных отраслей знания и научных дисциплин, в различных исследовательских направлениях и проекциях конкретных исследований как в дисциплинарных средах, так и в междисциплинарных взаимодействиях.

Историография в российской юриспруденции как исследовательское направление формируется в XIX–XX вв. и в настоящее время находится в стадии становления и определения своего места, роли, задач и функций, а также позиционирования в структуре юридической науки. Современная юридическая наука, впитывая и адаптируя историографические разработки различных социально-гуманитарных наук, формирует собственное понимание роли и значения развития историографии в рамках своего объекта познания. В научный оборот начинает входить терминологическое обозначение указанного

направления «юридическая историография» (Кожевина 2023). И хотя такое обозначение историографии в юриспруденции обладает определенной долей условности, но оно может использоваться для позиционирования данного направления и научной дисциплины в юриспруденции, поскольку специфика историографических процессов в юриспруденции связана с юридической (государственно-правовой) сферой жизнедеятельности общества и эти процессы находятся в сфере изучения юридической науки. Необходимо отметить, что историографические исследования в современной юриспруденции в их классическом понимании наиболее характерны преимущественно для историко-юридических наук, хотя начинают появляться и в отраслевых науках.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что для юриспруденции историографическое направление исследований в принципе носит междисциплинарный характер и историография так или иначе присутствует во всех отраслях и дисциплинах юридической науки. При этом особо следует подчеркнуть, что социогуманитаристика для юридической науки задает общие и основные теоретико-методологические параметры, модели и конструкции изучения историографического пространства. Соответственно, и историография в юриспруденции, как и в других науках социально-гуманитарного профиля, взаимосвязана с историографическим знанием в социогуманитаристике.

2. Междисциплинарность предмета историографии в современной социогуманитаристике и юриспруденции обусловлена тем, что данный предмет по своей общей направленности для них идентичен – обращается к истории отдельных отраслей науки и научных дисциплин и охватывает, как подчеркивает Л.А. Маркова, «различные формы историко-научных реконструкций, которые изображают реальный исторический процесс развития науки на базе соответствующих месту и времени методов исследования, способов отбора, описания и интерпретации научных текстов, открытий, научных теорий» (Маркова 2009: 333-334).

Предметная направленность юридической историографии ориентируется на изучение процессов познания государственно-правовых явлений и институтов через науч-

ные труды ученых-юристов, исследование их научной биографии и творческого процесса создания произведений, механизмов накопления, сохранения и передачи историографической информации, а также других вопросов историографического характера в юриспруденции.

Целевые установки юридической историографии в общем плане определяются ее предметной направленностью, связаны с отбором, анализом и предоставлением информации о существующем массиве научных исследований ученых (как отражении истории развития отдельной области знаний, научной деятельности ученых и их теоретических подходов, методологии, методик и технологий изучения историографических носителей информации) и служат для осуществления образовательных, исследовательских и правоприменительных практик. Соответственно выстраиваются *задачи и функции историографии в юриспруденции*.

Позиционирование историографии в системе юридических наук представляется важным для понимания ее места в пространстве последних. Проблема прежде всего состоит в том, что статус историографии в структуре юриспруденции в настоящее время не определен и явно просматривается необходимость выделения в данной структуре особой группы наук – служебных наук, по аналогии со вспомогательными/специальными дисциплинами в исторической науке, литературоведении и пр. Служебные юридические науки по своему их названию и содержательной направленности носят служебный (вспомогательный, подсобный) характер, объектом их изучения является комплекс проблем, относящихся к философии юридической науки, науковедению, методологии, историографии и источниковедению в юридической науке. Таким образом, они служат развитию юридической науки в целом и ее отдельных дисциплин (которые представляют для них «знания о знаниях» и через посредство которых функционирует «система кодирования, воспроизводства и трансляции определенных умений, опыта, знаний») и в них «выражена и репродуцируется способность человека владеть им же достигнутым знанием универсума и источниками этого знания и воспроизводить их во времени и пространстве» (Мамардашвили 1982: 42).

Основания для дисциплинарной демаркации служебных юридических наук определяются их специфическими чертами: предметной направленностью, местом в исследовательских и образовательных программах, значением для формирования и развития ученого как центрального субъекта научной деятельности – и соответствуют критериям для обособления совокупности знаний в отдельную самостоятельную отрасль юридического знания (Сырых 2012: 108-111). Думается, что по мере своего развития и юридическая историография может «вырасти» до статуса самостоятельной юридической научной и образовательной дисциплины, как и юридическое науковедение, история юриспруденции, юридическая методология и юридическое источниковедение (Кодан 2020).

В заключение отметим, что юридическая историография в качестве нового исследовательского направления и будущей научной дисциплины начинает обретать свое познавательное пространство. Для создания базовых теоретико-методологических оснований выделения в структуре юридической науки юридической историографии накопленные в ходе развития социально-гуманитарных наук теоретико-методологические историографические знания требуют основательной проработки и адаптации к специфике юридической науки на отраслевом и дисциплинарном уровнях.

3. Междисциплинарные взаимодействия социогуманитаристики и юриспруденции в историографических исследованиях проявляются в двух проекциях – *основания знаний в сфере историографии и направления историографических изысканий*, которые уже достаточно хорошо отрефлексированы в ряде научных отраслей. Их освоение представляется крайне необходимым для становления юридической историографии.

Основания историографического знания опираются на спектр знаний, которые показывают многомерность историографического пространства и являются необходимым базисом для исследовательских практик юриста-историографа. Можно выделить культурно-познавательные, теоретические и методологические основания юридической историографии.

Культурно-познавательные основания юридической историографии выступают исходными научно-мировоззренческими

ориентирами при проведении историографических исследований. Рассматривая их, необходимо учитывать взаимодействие историографии с такими общественными культурными феноменами, как научная память, научное наследие, интеллектуальная рецепция, научные традиции, преемственность в науке. Культурно-познавательные основания юридической историографии опосредуют влияние на научное познание указанных социокультурных феноменов путем включения их в мировоззренческие установки и исследовательские практики.

Теоретические основания юридической историографии строятся на соответствующих наработках в социогуманитаристике в целом с адаптацией к специфике историографии в юриспруденции, переводит их на уровень отдельной группы научных дисциплин юридического профиля, создавая базу для историографических изысканий с учетом их предметной специфики. Здесь важно обращение юриста-историографа к знаниям о предметной сфере, задачах и функциях юридической историографии, к исследовательским моделям и конструктам изучения историографии и другим вопросам общего характера, позволяющим преломить их к потребностям изучения историографических процессов в юриспруденции.

Методологические основания юридической историографии формируются в контексте общих знаний методологического характера в историографии социогуманитаристики, рассматриваемых в качестве методологического инструментария для проведения историографических исследований в юриспруденции. Здесь исследователь опирается на принципы, методы, подходы, методики и технологии, которые позволяют получить точные, достоверные и проверяемые результаты изучения историографических явлений, процессов, массивов научной литературы и источников, провести их качественный анализ и т.п. Методологические основания юридической историографии дают возможность с учетом историографического опыта в социально-гуманитарных науках выстроить и отработать методологический инструментарий для юридической историографии.

Направления историографических исследований показывают векторы изучения историографического материала и создания научных трудов в этой сфере. Каждое направление

в отдельности и различные их комбинации позволяют определить стратегии историографических исследований. Исходя из анализа литературы и изучения исследовательских практик в различных отраслях социально-гуманитарных наук, представляется возможным обозначить следующие направления историографических исследований.

Историографическо-научоведческое направление обеспечивает изучение истории развития научного знания в юридической науке в целом, в отдельных ее отраслях и научных дисциплинах в рамках исследования их генезиса, тенденций развития, структурирования, механизмов межличностной и коллективной передачи знаний, опыта научной деятельности и функционирования научных школ, оснований выделения и систем наукометрических показателей и пр. Это направление находит выражение в форме различных тематических исследований на стыке историографии и других наук социально-гуманитарного и юридического профиля. Данные исследования могут способствовать выделению и становлению нового научного направления и дисциплины юриспруденции – юридического науковедения.

Историографическо-интеллектуальное направление во взаимосвязи с культурным и социальным контекстами занимается изучением различных видов творческой деятельности человека в юриспруденции, их генезиса и развития, научного творчества интеллектуалов в различных областях знаний, опыта усвоения и трансформации их идей в обществе в ретроспективных проекциях и современности. Историографические исследования данного направления связаны с различными аспектами интеллектуальной истории – истории идей, истории общественной, политической, философской, исторической, государственно-правовой мысли, истории элит и т.д. Особое значение для юриспруденции здесь представляют работы по историографии философии права, истории учений о государстве и праве, теории государства и права и историографическим аспектам отраслевых наук.

Историографическо-проблемное направление традиционно устремлено на изучение отдельных сфер, тем и проблем юридической науки на отраслевом, дисциплинарном и конкретно-исследовательском уровнях. Реализуется в раз-

нообразных формах через анализ степени разработанности тематики и проблематики в научной литературе для подготовки монографии, диссертации, научных проектов, создания обзоров литературы по отдельным темам и проблемам в рамках различных наук, включая юриспруденцию. Соответственно, исследования данного направления позволяют не только определить уровень проработанности отдельных вопросов в юридической литературе, но и выявить новые, не освоенные юриспруденцией пространства, показать их актуальность, научную и прикладную значимость для развития юриспруденции.

Историографическо-биографическое направление сосредотачивается на изучении вклада мыслителей и ученых в юридическую науку, в научное знание, научное наследие, рассматривая его через призму и на фоне жизненного пути, в контексте факторов, акторов и разного рода ситуаций и других аспектов, влияющих на научную деятельность и создание научных трудов. Оно находит выражение в различных формах исследований – биографических справках, биографическо-проблемных аналитических работах, интеллектуальных биографиях и т.д. Указанное направление позволяет не только персонализировать юриспруденцию, но и на основе личностных примеров показать сохранение в ней складывавшихся столетиями научных традиций, исследовательскую преемственность, формирование и становление научных школ, место и роль в них ученых-лидеров.

Историографическо-источниковедческое направление нацелено на изучение носителей историографической информации в юриспруденции – комплексов документов и материалов, которые включают в себя различные опубликованные и архивные документы, источники личного происхождения, периодическую печать и относятся к истории развития отдельных отраслей юридического знания и научных дисциплин, индивидуальной и коллективной научной деятельности ученых, ее условиям, творческим процессам и исканиям, полученным результатам и другим аспектам развития науки. Реализацией данного направления служат обзоры, описания отдельных типов и видов источников или их комплексов и иных носителей информации юридико-историографического характера. В юриспруденции

эти вопросы прорабатываются также и в рамках юридического источниковедения.

В заключение подчеркнем, что юридическая историография как исследовательское пространство требует от историографа достаточно широкого круга знаний, составляющих основу для проведения качественных изысканий в этой сфере. Опора на историографические теоретико-методологические наработки и исследовательские направления, сложившиеся в различных гуманитарных науках, использование их при работе с историографическим материалом в юриспруденции дает возможность получить новые результаты, существенно расширяющие представления о государственно-правовых явлениях и институтах. Полагаем, что и сама юридическая биографика может выделиться в самостоятельную научную и образовательную дисциплину.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горбань В.С. 2024. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. № 7. С. 64–78. DOI: 10.31857/S1026945224070055

Кодан С.В. 2020. Историография юридической науки в современных образовательных и исследовательских практиках // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 3. С. 12–18. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-3-12-18

Кожевина М.А. 2023. Юридическая историография в системе познавательных средств отечественной юридической науки // Правовприменение в публичном и частном праве : материалы Междунар. науч. конф., Омск, 24 марта 2023 г. / отв. ред. Т.Ф. Ящук. Омск : Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. С. 32–36.

Мамардашвили М.К. 1982. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований : сб. статей / отв. ред. И.С. Тимофеев. Москва : Наука. С. 38–58.

Маркова Л.А. 2009. Историография науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация». С. 333–334.

Сырых В.М. 2012. История и методология юридической науки. Москва : Норма, Инфра-М. 464 с.

Sergey V. Kodan

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: svk2005@yandex.ru

Historiography in Jurisprudence: Interactive Interdisciplinary Spaces

Abstract. The article examines the interdisciplinary origins of historiography as a relatively new direction in terms of its positioning in the sectoral and disciplinary structure of legal science. Particular attention is focused on the interdisciplinary foundations and directions of historiographic research in socio-humanitarian studies as projected onto the sphere of research of a state-legal nature in jurisprudence. At the same time, areas of communicative interactions between historiography in jurisprudence and other social and humanitarian sciences can be identified in the context of their significance and influence on the spectrum of historiographic research in the juridical sciences.

Keywords: social and humanitarian sciences; historiography in social and humanitarian studies; historiography in scientific and cognitive activity; historiography in the structure of jurisprudence; legal historiography; interdisciplinarity of legal historiography

Валентина Викторовна Руденко
Институт государства и права РАН
г. Москва, Россия
E-mail: emikh_valentina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6641-691X
Researcher ID: N-6495-2016
SPIN-код: 4985-2588

Политика памяти в документах стратегического планирования Российской Федерации

Аннотация. В статье проанализированы ключевые документы стратегического планирования на предмет полноты и достаточности регулирования реализации политики памяти в Российской Федерации. На основе проведенного анализа автор обозначает следующие проблемы. На законодательном уровне не сформулированы определения объектов правовой охраны в рамках политики памяти. Не сформирована институциональная основа реализации политики памяти. Не решенной остается проблема разграничения компетенции в области реализации политики памяти как между федеральными органами власти, так и между органами государственной власти и субъектов. Отсутствует четко оформленный в содержательном плане механизм реализации политики памяти, состоящий из конкретных мер и мероприятий. Проблематично отследить успешность реализации политики памяти. Остро стоит вопрос экспертно-аналитического сопровождения правовых решений по вопросам защиты исторической правды. Сделан вывод о целесообразности разработки и принятии Концепции политики памяти Российской Федерации, которая бы предусматривала: общие принципы осуществления политики памяти, права и обязанности органов государственной власти и субъектов в части реализации политики памяти, комплекс мер и мероприятий, направленных на защиту исторической правды, недопущение искажения исторической правды, конкретные меры ответственности; показатели реализации концепции.

Ключевые слова: историческая правда, стратегическое планирование, национальная безопасность, национальные интересы, суверенитет, историческое просвещение, образование, гражданская идентичность

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели

политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

В последние годы в дискурсе российских политиков на первый план вышла риторика укрепления государственного суверенитета, отстаивания национальных интересов, упрочения мировых позиций России, противостояния недружественным странам и территориальным образованиям. Ключевые смыслы описанных тенденций были заданы конституционной реформой 2020 г., в рамках которой была оформлена конституционная идентичность Российского государства, зафиксированы мировоззренческие основы, социокультурные ценности и политико-правовые идеалы, заложены ценностные ряды, фундирующие гражданскую и культурную идентичность. Такая модель конституции получила в научной доктрине название «социально-ценностной» (Хабриева 2021: 8), что подчеркивает институционализацию ценностных установок российских государства и общества.

Именно в ходе реформы 2020 г. категория «историческая правда» внедрена в конституционный текст и функция по защите исторической правды получила конституционное закрепление (ч. 3 ст. 67 Конституции¹). Конституционализация категории «историческая правда» влечет определенные юридические последствия: 1) историческая правда как ценность получает конституционно-правовую охрану; 2) статус конституционно-правовой ценности свидетельствует о том, что данная категория становится мерилом права; 3) Конституционный Суд может опираться на эту категорию для аргументации преваляирования тех или иных ценностей.

Для совершенствования нормативного оформления стратегических подходов к политике памяти в статье ставятся

¹ Конституция Российской Федерации 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 30.10.2024).

следующие задачи: 1) проанализировать роль документов стратегического планирования в формировании исторической политики; 2) оценить полноту и достаточность имеющегося регулирования; 3) предложить возможные пути совершенствования регулирования в этой сфере. Данные задачи решаются преимущественно в рамках политологических исследований (Миллер 2020; Русакова 2023; Фишман 2024), но юридические конструкции и терминология в этих случаях получают интерпретацию через специфическую оптику: так норма о противодействии государства распространению деструктивной идеологии квалифицируется как исключение не придерживающихся традиционных ценностей граждан из правового поля (Головашина 2024: 43), изучаются понятия «режим политики памяти» и «режим исторической памяти», но в ракурсе, отличном от привычного юристам понятия «правовой режим» (Русакова 2023) и др. Ввиду многоаспектности вопросов политики памяти только диалог исследователей способен обеспечить консенсус по реализуемым государством коммеморативным практикам.

Систематизированный документ стратегического планирования, который бы определил политику памяти в России, отсутствует – ее основы закладывает совокупность документов, разрабатываемых в рамках прогнозирования, целеполагания, планирования и программирования, в том числе национальные проекты и государственные программы. В предлагаемой статье внимание уделяется документам, разрабатываемым в рамках целеполагания, включая послания Президента Российской Федерации, поскольку именно они формируют расстановку приоритетных задач и предлагают алгоритм их решения.

Наибольшее внимание вопросам защиты исторической правды уделяется Стратегией национальной безопасности². Анализируемый документ содержит п. 93, в котором задачи по защите исторической правды расположены в одном ряду с задачами

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351.

по защите традиционных ценностей. Это свидетельствует о том, что категория «историческая правда», хотя и не называется среди ценностей, закладывающих фундамент общегражданской идентичности, тем не менее связана с ними.

Защита исторической памяти, в соответствии с данным документом, осуществляется посредством постановки разноплановых задач, касающихся как исторической, так и моральной идентичности: укрепление гражданского единства, гражданского самосознания, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение самобытности российской нации; обеспечение преемственности в развитии государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории; сохранение преемственности поколений россиян; усиление в массовом сознании роли традиционных ценностей, неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей; развитие системы образования как основы формирования социально ответственной личности; патриотическое воспитание граждан; укрепление культурного суверенитета; популяризация достижений российских деятелей в разных сферах; защита общества от внешней идейно-ценностной экспансии (п. 93). Анализ обозначенных задач говорит о том, что функция защиты исторической памяти реализуется посредством разнообразных мер в рамках идентитарной, языковой, миграционной политики, политики в сфере образования, спорта, культуры, политики по сохранению традиционных ценностей и других направлений политики.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года³ вводит дефиницию гражданского самосознания и задает модель солидаризированной общности с едиными ценностными основаниями, – российской нации. Точного перечня таких оснований Стратегия не предлагает, но, опираясь на текст, можно сделать вывод, что это патриотизм, единый культурный код, историческое и культурное наследие народов России, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость,

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

взаимопомощь, коллективизм и др. Ценностям исторической направленности в Стратегии также уделяется внимание. Среди таковых можно называть чувство гордости за историю России и уважение российской истории и культуры. Историческое наследие народов России лежит в основе гражданского единства и составляет часть единого культурного (цивилизационного) кода общества. Русский народ рассматривается в качестве системообразующего звена единения народов России. Первостепенная роль русского народа должна быть показана в рамках реализации политики памяти в образовании, спорте, науке и других сферах.

Термин «историческая правда» в Стратегии не используется, но меры реализации национальной политики в сфере укрепления гражданского единства российской нации и поддержки этнокультурного и языкового многообразия России связаны с политикой памяти. Примечательно, что анализируемая Стратегия была принята в 2012 г., когда были заложены основы современной политики памяти России, а именно: учреждены «Российское историческое общество» и «Российское военно-историческое общество», начата работа над проектом, в ходе которого появились тематические парки «Россия – моя история», появилась инициатива «Бессмертный полк» (Миллер 2020: 215). Показательно, что в том же году принят «закон об иностранных агентах»⁴. Данный акт значим для минимизации рисков иностранного воздействия на формируемые у граждан представления об истории России и о роли России в мировом развитии.

Исходя из толкования Стратегии, укрепление гражданского самосознания осуществляется, в том числе, на основе сохранения традиционных ценностей (п. 17 и п. 21.1). Успешность подобной тактики обусловлена универсальным характером большинства ценностей, представленных в анализируемых документах, в том числе в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (да-

⁴ Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета. 2012. 23 июля.

лее – Основы по сохранению традиционных ценностей)⁵. Среди таких ценностей – «жизнь, достоинство, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, взаимоуважение» (п. 5 Основ), то есть, это те ценности, которые не имеют привязки к конкретному государству. Именно моральная идентичность называется исследователями ядром идентичности личности (Atkins 2008: 65). Ее существенным плюсом выступает то, что она программирует ожидания граждан в отношении других граждан, составляющих нацию, то есть позволяет воспринимать других через призму моральной идентичности. Выбранная законодателем стратегия с учетом высокой степени универсальности специально отобранных ценностей представляется вполне оправданной.

Помимо моральных ценностей в гражданскую идентичность встроены ценности исторической направленности. Выбор ценностей подобного рода представляется заведомо проигрышным вариантом в стратегическом плане ввиду отсутствия комплексной целенаправленной деятельности со стороны государства в этом направлении в течение длительного времени. Кроме того, сама по себе историческая идентичность не может претендовать на универсальный статус в отрыве от других составляющих гражданской идентичности (Сыров 2023: 10). В то же время, формируя гражданскую идентичность, важно помнить об историческом контексте: текущий набор ценностей базируется на прошлых установках и нацелен на то, чтобы на их основе выстраивать будущее. Иными словами, включение данных ценностей в правовое поле имеет рациональное зерно.

В контексте исследования роли исторической правды и памяти в структуре гражданской идентичности на уровне документов стратегического планирования обращает на себя внимание проблема используемого в данных документах понятийно-категориального аппарата. Во-первых, многие термины не характерны для правовой науки и заимствованы из других социальных наук (гражданская идентичность,

⁵ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

культурная идентичность, историческая память, традиционные ценности, патриотизм и др.). Во-вторых, далеко не все понятия имеют дефиниции (культурная идентичность, историческая память, историческая правда и др.), в связи с этим не ясно соотношение понятий. В-третьих, имеющиеся определения неоднозначны. Так, гражданская идентичность используется как синоним гражданского самосознания и понимается как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»⁶, то есть, по сути, в данном понятии смешиваются несколько видов идентичности, включая национальную и этническую. Возникает вопрос о том, насколько удачным является включение в государственную национальную политику концепта, относящегося к личности граждан, и поиске правовых средств воздействия на личность граждан. Обозначенная проблема понятийно-категориального аппарата нуждается в самостоятельном научном исследовании.

Историческая правда напрямую не названа среди традиционных ценностей. Вместе с тем, в качестве таковых указана историческая память и преемственность поколений. Историческая правда тесно связана с другими ценностями – в частности, с патриотизмом, гражданственностью, служением Отечеству и ответственностью за его судьбу. Преподавание отечественной истории в определенном ракурсе – инструмент воспитания патриотизма, гражданственности и солидаризации граждан. Вместе с тем возникает ряд неоднозначных вопросов: могут ли «историческая правда» и «историческая память» быть универсальными ценностями, присущими идентичности? Каково соотношение исторической правды, исторической памяти как конституционно-правовых ценностей и моральных ценностей? Какие юридические средства наиболее оптимальны для их универсализации? Каково соотношение свободы слова и исторической правды?

Представляется, что историческая правда может рассматриваться в качестве идеологемы, имплицитно присущей

⁶ Подп. «г» п. 4.2 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

гражданской идентичности, но для ее универсализации как ценности на государственном уровне должны быть выработаны официальные оценки знаковых для российской государственности событий. Именно школьное и вузовское образование, как правило, выступает основным проводником таких позиций. Вот почему чрезвычайно важно разработать научно обоснованную историософскую модель политико-правовых знаний и внедрить ее в когнитивные технологии формирования ценностей у целевых групп – школьников и студентов. Историческая память – это часть исторического сознания и общественного сознания в целом. В контексте гражданской идентичности историческая правда связана с сохранением исторического и культурного наследия народов России, преемственностью их исторических традиций. Память приобретает в некоторой степени прикладное значение, становится ресурсом для государственного строительства и повышения уровня общественного благополучия (Головашина 2024: 42). В основе формирования идентичности лежат традиционные ценности, но идентичность может включать и другие ценностные основания, не противоречащие российскому праву. Так, исследователи относят к таковым солидарность, соборность, народность, воссоединение соотечественников, доверие и другие (Семенова и др. 2023).

Значимым событием в свете актуализации вопросов политики памяти стало принятие в 2024 г. Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения⁷. Историческое просвещение отделяется от образования и определяется как распространение исторических знаний в целях формирования такого понимания прошлого, которое бы конституировало общегражданскую идентичность и коллективную историческую память. Такое определение вписывается в социально-ценностную модель действующей Конституции. В документе прослеживается след евразийской идеи о социально-политическом корпоративизме, о возможности реализации геополитического потенциала в пространственной системе России-Евразии.

⁷ Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утв. Указом Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2587.

Россия позиционируется как государство-цивилизация, сплотившее народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность. Задаются центростремительные векторы в рамках Союзного государства и СНГ на основе духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей в целях противодействия идеологической и информационной агрессии против России. Институциональной основной реализации выступают субъекты политики в области исторического просвещения и созданная в 2021 г. Межведомственная комиссия по историческому просвещению.

В посланиях Президента Российской Федерации после 2020 г. поднимается тема традиционных ценностей и содержатся указания на необходимые меры: отстаивание и защиту духовно-нравственных ценностей, коррекция учебников истории и повышение качества учебных курсов по истории и методических разработок, направление средств на обновление домов культуры и библиотек, музеев в сельской местности, противодействие фальсификации истории в контексте информационной войны, содействие развитию культуры во вновь образованных регионах⁸. Таким образом послания в формате стратегического планирования определяют дальнейшие векторы предстоящего развития Российского государства⁹.

Почти все рассматриваемые в статье документы упоминают историю-культурные ценности, в ряду которых значимое место отводится исторической правде. Защита данной ценности необходима для обеспечения национальной безопасности России. Защищая историческую правду, историко-культурные и духовно-нравственные ценности, государство обеспечивает единство нации. Вместе с тем, имеющееся регулирование не является достаточным для оформления политики памяти. На зако-

⁸Послание Президента Российской Федерации от 21.04.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения: 30.10.2024); Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 30.10.2024); Послание Президента Российской Федерации от 19.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 30.10.2024).

⁹Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 3 июля. Ст. 15.

нодательном уровне не сформулированы определения объектов правовой охраны в рамках политики памяти России (нет определения понятий исторической правды, умаления подвига народа при защите Отечества, хотя отдельные составы правонарушений установлены, и др.). Также не прописана институциональная основа политики памяти: в ее реализации задействованы практически все органы исполнительной власти, но при этом координирующая структура не создана, нет непротиворечивого разграничения компетенции обозначенных органов (Елизаров 2014: 36), отсутствует четко оформленный механизм реализации политики памяти. Проблематично отследить эффективность реализации такой политики, поскольку показатели документов стратегического планирования предусмотрены лишь в отношении отдельных направлений политики. Остро стоит вопрос экспертно-аналитического сопровождения решений по вопросам исторической правды (Раттур 2024: 277).

Целесообразно для решения обозначенных выше проблем принять концепцию политики памяти, которая бы зафиксировала: принципы осуществления данной политики на территории страны и за ее пределами; права и обязанности органов публичной власти в ее реализации; меры по защите исторической правды, недопущению искажения исторической правды и разрушения исторической памяти; меры ответственности; мониторинг и показатели реализации Концепции. Историческую политику целесообразно нормативно определить как «совокупность действий, реализуемых субъектами государственной исторической политики, направленных на формирование и распространение в обществе официальных представлений об истории России, поддержку и развитие научных исследований в области истории России, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине». Концепция может быть принята Правительством РФ на основании общих полномочий по организации реализации внутренней политики, полномочий в области защиты семьи и детства, полномочий в области образования, науки и культуры¹⁰.

¹⁰ Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 9 сент. Ст. 13, 15, 21.

Практика юридического оформления исторической политики посредством документов общего характера не получила распространения в мире. В государствах с романо-германской правовой системой, которые реализуют официальную государственную историческую политику, обычно такого рода политика оформляется несколькими законодательными актами по отдельным аспектам. Такой способ оформления получил распространение в государствах Европейского союза (например, Франция, ФРГ, Венгрия, Польша и др.), в латиноамериканских странах (Аргентина, Перу, Боливия и др.), Африки (например, Танзания) и в государствах-членах СНГ (Казахстан, Республика Беларусь и др.). Опыт по созданию документов общего характера проанализирован ниже.

Историческая политика, реализуемая европейскими государствами, содержательно отличается. Схематично данные отличия можно обозначить следующим образом: ядром исторической политики западноевропейских государств является факт признания Холокоста и ответственности за него, для восточноевропейских – необходимость преодоления последствий существования двух тоталитарных режимов – нацистского и коммунистического (Лифанов 2021: 80–85). В Королевстве Испания ядром исторической памяти является так называемый «Закон об исторической памяти», который признает права лиц, ставших жертвами преследований или насилия во время гражданской войны или диктатуры, и устанавливает компенсационные меры для таких лиц¹¹. Институциональную основу составляет Документальный центр исторической памяти, подведомственный Министерству культуры и спорта. В Республике Польша государственная историческая политика нормативно оформлена Законом 2016 г. о запрете пропаганды коммунизма или иных тоталитарных систем через названия организаций, подразделений, общественных зданий, сооружений и устройств, а также памятников¹²; Законом 2009 г.

¹¹ LEY 52/2007, de 26 de diciembre, por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la guerra civil y la dictadura. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2007/12/27/pdfs/A53410-53416.pdf> (дата обращения: 04.11.2024).

¹² Ustawa z dnia 1 kwietnia 2016 r. o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych,

о внесении изменений в Закон о пенсионном обеспечении профессиональных солдат и членов их семей и Законом о пенсионном обеспечении сотрудников полиции, Агентства внутренней безопасности, Разведывательного управления, Службы военной контрразведки, Центрального антикоррупционного бюро, Пограничной службы, Государственного бюро охраны, Государственной пожарной службы и пенитенциарной службы и их семей, который изменил систему выплат для лиц, поддерживавших коммунистический режим¹³; Уголовным кодексом, в который в 1998 г. были включены составы так называемых «коммунистических преступлений», и др. С 1999 г. функционирует Институт национальной памяти и Министерство культуры и национального наследия, а с 2020 г. – Институт наследия национальной мысли. С 2015 г. в политической повестке Польши фигурирует разработка Стратегии польской исторической политики. Исходя из стенограммы официальной встречи по разработке обозначенной стратегии (Бельведер, Варшава, 17.11.2015), данная идея коррелирует с необходимостью отстаивания ценностей польского народа¹⁴. Однако Стратегия так и не была официально принята.

На уровне Европейского союза предпринята попытка использовать повестку исторической памяти в качестве инструмента формирования общеевропейской идентичности. Изначально ставка была сделана на Холокост, который назван «уникальной исторической референтной точкой, которая

jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej oraz pomniki (Dz.U. 2016, poz. 744).

¹³ Ustawa z dnia 23 stycznia 2009 r. o zmianie ustawy o zaopatrzeniu emerytalnym żołnierzy zawodowych oraz ich rodzin oraz ustawy o zaopatrzeniu emerytalnym funkcjonariuszy Policji, Agencji Bezpieczeństwa Wewnętrznego, Agencji Wywiadu, Służby Kontrwywiadu Wojskowego, Centralnego Biura Antykorupcyjnego, Straży Granicznej, Biura Ochrony Rządu, Państwowej Straży Pożarnej i Służby Więziennej oraz ich rodzin (Dz.U. 2009, nr 24, poz. 145).

¹⁴ Zapis spotkania inaugurującego prace nad powstaniem Strategii Polskiej Polityki Historycznej w Belwederze. // URL: https://www.prezydent.pl/storage/file/core_files/2021/8/5/e283c89495b5691530c7545261aab539/zapis_spotkania_dot._strategii_polskiej_polityki_historycznej.pdf (дата обращения 04.11.24).

навсегда останется в памяти народов Европы»¹⁵. Затем в 2009 г. произошла переориентация на память жертв тоталитарных режимов¹⁶. Наконец, в принятой 17 января 2024 г. резолюции Европейского парламента «О европейском историческом сознании» предпринята попытка использовать вопросы памяти в качестве укрепления ценностных оснований Европейского союза. Резолюция знаменует переход от европейской «культуры памяти», которая по своей сути нисходящая и нацелена на определение того, что европейцы должны помнить, к восходящей и движимой гражданами «культуре памяти», основанной на общих европейских принципах и ценностях»¹⁷.

На постсоветском пространстве сходные с Россией тенденции в развитии законодательства по вопросам политики памяти наблюдаются в Республике Беларусь, где концепт исторической памяти включен в конституционный текст в 2022 г.: согласно ст. 15 Конституции «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны», а в ст. 54 указывается на то, что «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь»¹⁸. В 2022 г. создан Республиканский совет по исторической политике при администрации Президента Республики Беларусь¹⁹. Предприняты попытки официально закрепить историческую политику. В главе 12 «Сохранение национальных устоев и цен-

¹⁵ European Parliament resolution on remembrance of the Holocaust, anti-semitism and racism (2005, January 27). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0018_EN.html (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁶ European Parliament resolution on European conscience and totalitarianism (2009, April 2). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁷ European Parliament resolution on European historical consciousness (2024, January 17). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁸ Конституция Республики Беларусь 1994 г. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁹ Распоряжение Президента Республики Беларусь № 22рп от 04.02.2022 «О Республиканском совете по исторической политике

ностей» Концепции информационной безопасности такая политика обозначена как элемент сохранения безопасности и указано, что она направлена «на закрепление в Беларуси и за ее пределами белорусской национальной концепции исторического прошлого страны и белорусской модели памяти»²⁰. На базе Института истории НАН Беларуси разработана Концепция истории белорусской государственности (Данилович 2018: 9-15), целью которой по сути является обоснование самобытности Белорусского государства и дистанцирование от России.

Несмотря на то, что на сегодняшний день в мире опыт принятия актов общего характера, опосредующих историческую политику, не получил широкого распространения, представляется, что в России Концепция исторической политики как документа стратегического планирования может стать эффективным инструментом формирования гражданской идентичности и воплощения исторической памяти и правды как конституционно-правовых ценностей в правовой действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Головашина О.В. 2024. «Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность // Антиномии. Т. 24, вып. 3. С. 38–54. DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_38

Данилович В. 2018. Концепция истории белорусской государственности // Наука и инновации. № 11(189). С. 9–15.

Елизаров В.Г. (сост.) 2013. О противодействии попыткам фальсификации истории народов в ущерб интересам России : сб. материалов / сост. В.Г. Елизаров. Москва : Изд. Совета Федерации. 99 с.

Лифанов С.С. 2021. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // Дискурс-Пи. Т. 18, № 4. С. 78–93. DOI 10.17506/18179568_2021_18_4_78

Миллер А.И. 2020. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое. № 1. С. 210–217. DOI 10.18522/2500-3224-2020-1-210-217

при Администрации Президента Республики Беларусь». URL: https://president.gov.by/fp/v1/825/document-thumb_37825_original/37825.1643988447.61b64231b0.pdf (дата обращения: 04.11.2024).

²⁰ Постановление Совета безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 04.11.2024).

Раттур М.В. 2024. О необходимости аналитической поддержки принятия правовых решений по защите исторической правды как конституционной ценности // Юридическая техника. № 18. С. 276–279.

Русакова О.Ф. 2023. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. Т. 20, № 1. С. 27–45. DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_27

Семенова Д.М. и др. 2023. Ценности в структуре гражданской идентичности: понятие и инструменты / Д.М. Семенова, М.В. Афонин, С.А. Кудрявцев // Политконсультант. Т. 3, вып. 1. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

Сыров В.Н. 2023. Семейная память и историческая идентичность: можно ли считать их хорошими путями для определения идентичности // Tempus et Memoria. Т. 4, № 1. С. 6–14. DOI 10.15826/tetm.2023.1.040

Фишман Л.Г. 2024. Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность // Антиномии. Т. 24, вып. 1. С. 39–52. DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_39

Хабриева Т.Я. 2021. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Т. 17, № 1. С. 6–12. DOI 10.12737/jflcl.2021.001

Atkins K. 2008. Narrative identity and moral identity: a practical perspective. New York : Routledge. 184 p.

Valentina V. Rudenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: emikh.valentina@mail.ru

Politics of Memory in the Strategic Planning Documents of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes key strategic planning documents of the Russian Federation, including the addresses by the President to the Federal Assembly, in order to assess the adequacy and comprehensiveness of regulations governing the implementation of politics of memory in the Russian Federation. The analysis reveals several critical issues. Firstly, there is a lack of legislative definitions regarding objects of legal protection within the framework of Russia's politics of memory. Secondly, an institutional foundation for implementing this concept into memory policy remains unformed. Thirdly, the delimitation of competences related to politics of memory implementation – both among federal bodies and between the federal authorities of the Russian Federation and the constituent entities –

has not been resolved. Furthermore, there is no clearly defined mechanism outlining the content of memory policy, including specific measures and activities. As a result, tracking the effectiveness of the implementation process is challenging. The necessity for expert and analytical support for legal decisions related to the protection of historical truth is also pressing. The article concludes by recommending to develop and adopt a comprehensive concept of politics of memory, which should outline general principles for implementation of memory policy in the Russian Federation; the rights and obligations of federal and regional authorities; a detailed set of measures and activities aimed at protecting the historical truth and preventing its distortion; specific measures of accountability; and indicators to evaluate the concept's effectiveness.

Keywords: historical truth; strategic planning; national security; national interests; sovereignty; historical enlightenment; education; civil identity

Наталья Владимировна Панкевич

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7661-1754

ResearcherID: AAO-9803-2021

SPIN-код: 8940-7486

Российская государственность и западный стратегический нарратив: идентичность против риторического принуждения

Аннотация. В статье исследуются инструментальные и содержательные формы заимствования российской общественной теорией западных идейных комплексов в период после распада СССР; оценивается их повреждающий эффект, а также предложены некоторые направления противодействия их искажающему потенциалу. Показано, что процессе трансфера заимствованных идейных комплексов был задействован инструментарий, созданный в условиях конкуренции с советской/российской моделью и прямо предназначенный для экспертного обеспечения этой конкуренции. Заимствования были направлены непосредственно в ценностный центр системы и использовались для трансформации ее идентичного ядра. Инструментальный характер примененных техник раскрыт через понятие стратегического нарратива как техники семантического программирования политического опыта; выявлены его содержательные компоненты, квалифицирующие признаки и область действия в идейном, социальном и управленческом пространствах. В качестве стратегических нарративов рассмотрены распространенные смысловые комплексы, применяемые для описания и самоописания российской государственности. Установлена прямая зависимость субъектности государства от сохранения конфигурации социолингвистических систем, определяющих его идентичность, и способности противостоять риторическому принуждению со стороны внешних центров влияния. Предложен ряд направлений по защите и развитию репрезентационной силы РФ в современных условиях. В частности, показано, что сохранение и защита идентичности требуют выработки нормативных самоописаний российской государственности, ее сути, смысла, идентичности с закреплением на уровне документов программно-стратегического планирования.

Ключевые слова: идентичность государства, стратегический нарратив, интеллектуальный трансплант, идентичность, риторическое принуждение, репрезентативная власть, государственный суверенитет, искажение цивилизационного развития РФ

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтom государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Катастрофический слом исторически уникальной общественной системы, которым стал распад СССР, обусловил в 1990-х необходимость переустройства российского государства в его новой форме и на новых идейных основаниях. Процесс реформ потребовал не только перенастройки политического и административного режима, пересмотра и смены принципов распределения общественных ресурсов и благ. Возникла и еще более значимая на глубинном социетальном уровне необходимость масштабного переосмысления самой сути единства, воплощенного в новом российском государстве, — преемственного по отношению к советской и российской государственности исторически более отдаленных периодов и одновременно противопоставленного ей.

Сложившаяся ситуация носила глубокий кризисный характер. Историческая неудача в форме крупнейшей геополитической катастрофы сделала невозможной опору на сложившиеся основания общественной солидарности и институты управления, маркированные с этого момента не как «особые», «прогрессивные», «превосходящие», но как исторически «ошибочные» или эмпирически «дефектные». При этом монополизация идеологического влияния и одновременное закрепление функций критической общественной теории исключительно за партийным центром советской системы закрыли возможности для формирования собственных стратегий самоописания общества, которые позволяли бы сохранить идентитарное ядро общества в период реформ.

В условиях дефицита адекватного словаря, способного описать становящуюся общественную формацию, а также необходимости использовать устоявшуюся терминологию и вместе с тем отказывать ей в доверии рассмотрение опыта целой исторической эпохи с позиции тотального отрицания стало типичной формой политического суждения в массовой и экспертной дискуссии (см., напр.: Зубов, Салмин 1991: 42).

Предполагаемая необходимость работы над ошибками, «нормализации» общественной структуры в соотнесении к моделям стран – победителей в холодной войне как условия приобщения к мировому сообществу направила интерес общественной дискуссии к замещающим описательным и аналитическим стратегиям. В рамках постсоветской ситуации они практически неизбежно приобретали форму интеллектуальных заимствований и трансплантов.

Как правило, в стандартных условиях общественного развития роль подобных заимствованных смысловых комплексов достаточно скромна. Они служат в основном в целях заполнения ниш в тех областях, где образуется дефицит нормативно-правового регулирования, и, что принципиально важно, используются преимущественно для институционального строительства. Хотя и в этом случае их воздействие может быть амбивалентным и часто становится причиной непредсказуемых негативных эффектов (Pankevich 2014: 55-57).

В ситуации катастрофического слома после распада СССР функциональная область заимствования вышла далеко за рамки локальной необходимости заполнить возникшие пробелы в диагностике проблем в общественных состояниях и осуществить поиск возможных стратегических и правовых решений по их коррекции. Интеллектуальный импорт был направлен непосредственно в ценностный центр системы и использовался для трансформации ее идентитарного ядра – ключевых смысловых комплексов и принципов самоописания, самопонимания и рефлексии. Представленная статья исследует инструментальные и содержательные формы этого заимствования, оценивает их эффект, а также выявляет некоторые направления противодействия их искажающему потенциалу.

Заимствованные стратегии: содержательный аспект. Совокупность целого ряда заимствованных подходов

в применении к российской государственности достаточно быстро приобрела согласованные очертания, несмотря на очевидно малую совместимость их методологических принципов, посылок и аксиоматики. Влиятельная в постсоветском моменте идея *конца истории* (Fukuyama 1992)¹ в свете победы западного мира в биполярном противостоянии предполагала присоединение российского социума к базовой парадигме западного общества в виде либеральной конкурентной рыночной демократии как единственно нормативной и, по сути, единственно возможной политической форме.

Утрата статуса сверхдержавы и необходимость коррекции особенности российского государства в неожиданном качестве рядового участника международного сообщества нашли свое отражение в теориях демократического и рыночного *транзита*, которые обозначали конечный пункт реформ, необходимых для достижения финала локальной истории в ходе *догоняющего развития*. А новое место страны в мировом цикле производства – распределения – потребления определялось в рамках течения, постулирующего центр-периферийный характер структуры современной мировой системы. Эта позиция предсказуемо характеризовалась *(полу)периферийностью*, асимметрией участия в мировых рыночных обменах, институциональными дефицитами, недоразвитием, нерациональной структурой хозяйственного комплекса, в том числе стигмой *ресурсного проклятия*.

С течением времени замедленное продвижение российского общества в направлении *конца истории* и его неспособность воспроизвести нормативную форму получили свое объяснение в рамках идеи о *гибридном* характере политической системы и ее хозяйственного комплекса. В этом понимании колоссальное напряжение зависимости от итогов предыдущего развития (path-dependence) с неизбежностью результировало

¹ В дальнейшем создатель этой идеи, которая быстро стала клише, был вынужден пояснять, что «конец истории» в его понимании означал отнюдь не ставшее расхожим представление о прекращении развития в свете окончательной победы западной политической формы, но самую конечную цель мирового развития. На наш взгляд, это пояснение в еще большей мере обнаруживает идеологическую мотивированность всей теории (Фукуяма 2024: 18-19).

в искаженном характере институтов, повсеместно обнаруживающих свою инаковость по отношению к западным нормативам: в экономике раздатка, архаичности социальной структуры, расхождении между законодательной нормой и практикой, интенсивности неформальных практик и значимости неформальных институтов.

Особо следует указать на повреждающий характер трансфера из западного дискурса представлений о российском государстве как *несостоятельной империи*, чье единство рухнуло под напором антиколониального движения (Бовдунов 2022). Применительно к СССР этот негативно окрашенный троп был давно и прочно укоренен в западном идеологическом дискурсе. При этом в своем инструментальном качестве он, очевидно, опирался на образцы советской критики имперского опыта российской государственности до революции 1917 г., направленные на демонтаж царской России (Тихонов 2024). Дальнейшее объединение этой части самоописания российской дореволюционной действительности с политическими приоритетами биполярного противостояния создавало почву для определения СССР как империи не только в смысле ее интенсивного влияния на целый ряд государств во внешнеполитическом домене, но и во внутреннем – как порядка, основанного на колонизации, подчинении и эксплуатации внутреннего пространства.

Применение этого смыслового комплекса к становящейся новой российской государственности открыло неожиданные возможности для действия, трансформирующего ее идентитарное ядро. Утверждения о подчинении и эксплуатации народов страны напрямую способствовали укреплению потенциала сепарации национальных окраин и разрыву территориальной целостности страны.

Не меньшим негативным зарядом обладал комплекс идей, связанных с эксплуатацией государством всего пространства и населения страны – ее социального и этнического большинства – в качестве колонии (Фадеичева 2007). Итоговое представление о рыхлом образовании, возникшем в процессе *внутренней колонизации* (Эткинд 2013²), наносило ощутимые удары по легитимности российской модели развития и управ-

² Включен в реестр иностранных агентов.

ления. Практическое применение этой части указанного нарратива в полной мере проявило себя в ходе пережитого страной в 1990-е «парада суверенитетов». А последствия ощущаются и сейчас, когда результаты тридцатилетнего пространственного и социального развития страны описываются в идеологически нагруженных терминах колонизации/деколонизации отдельных регионов и территорий (Шабаев 2022).

Наконец, комбинирование представления об укорененной имперскости современного российского государства с утверждением о периферийности как его системном качестве (Кагарлицкий 2009³) создавало возможности для оспаривания позиции страны по самому широкому спектру ее действий в международном аспекте.

В совокупности разнообразных подходов описание новой российской идентичности зарубежными исследователями и ее самописание рядом российских авторов тяготели к тропу непреодолимой дефектности и тупиковости отечественной модели развития. В конечном счете данное представление позволяло сделать следующий шаг и приступить к обсуждению страны как одного из случаев упадка, попадающих в категорию *failed states*.

Стратегический нарратив как превращенная общественная теория. Сегодня массивный повреждающий эффект от подобного рода навязанных представлений достаточно часто объясняют тем фактом, что примененный категориальный аппарат тесно связан прежде всего с европейским опытом создания моделей общественной жизни и задает норматив, который неприменим в огромном количестве частных случаев в регионах за пределами европейского цивилизационного ядра. Следовательно, справедливой будет критика, которая указывает на тот факт, что «западный мейнстрим» отягощен идеологическими коннотациями и представляет собой неадекватный аналитический инструмент, возводящий исключение, представленное эволюцией государств в Европе и цивилизационном «Западе», в правило (Мартьянов 2021).

Справедлива также и более поздняя критика, связанная с раскрытием неполноты, предвзятости и идеализированного

³ Включен в реестр иностранных агентов.

характера описаний западной модели, чистота которой оказывается под сомнением в свете постоянно обнаруживающихся в ее составе включений, противоречащих либеральному/демократическому идеалу, – возрастающей роли государственного регулирования экономической деятельности, роли неформальных элитных альянсов и сменяемости власти только лишь в их рамках, nepoтизма и т.д. (Мартыанов, Руденко 2022).

Но представляется, что проблема обширнее и состоит отнюдь не только в том, что для искажающего описания и само-описания исходя из заимствованных подходов был применен не самый удачный идеологически нагруженный и расходящийся с практической реальностью категориальный аппарат. Гораздо важнее, что был использован инструментарий, созданный в условиях конкуренции с советской/российской моделью и прямо предназначенный экспертно обслуживать эту конкуренцию.

Холодная война при сравнительно низкой интенсивности собственно военно-силовой повестки все же по своей природе была состоянием активной борьбы, в котором именно гуманитарная составляющая приобрела столь принципиальное значение. Важность укоренения необходимой победителю интерпретации исхода противостояния, его результатов как справедливых и окончательных в рамках западной парадигмы вполне осознана и выражается более чем эксплицитно: «чтобы исход войны оказал влияние на людей, они должны принять ее значение» (Simpson 2012: 31, здесь и далее перевод в цитатах мой. – Н. П.); «в большинстве случаев победы одерживаются тогда, когда “противники” соглашаются с определенной интерпретацией событий» (De Graaf et al. 2015: 5). Еще более желательным выступает закрепление такой интерпретации на уровне конституционно-правового комплекса целевых государств (Carrington 2007).

В сложившихся условиях инструментом формирования нового идентитарного ядра российской политики, по сути, стали вовсе не объясняющие теории в их аналитическом аспекте, а лишь их идеологический и оценочный компонент. В итоге вопросы интерпретации идентичности российской государственности, ее содержательного наполнения решались с использованием формирующих *стратегических нарративов*, которые

обладают собственной перформативной способностью и применительно к рассмотренной ситуации по большей части лишь имитируют форму научно обоснованных подходов, выработанных в рамках уважаемых общественных теорий.

Поэтому попытка строго научного обоснования их несостоятельности как определенных *теорий* общественного развития в некотором смысле бесперспективна, поскольку природа самого объекта критики изначально иная.

Задачей общественной теории является анализ причинности и объяснение закономерностей, тогда как управленческой функцией стратегического нарратива выступает «семантическое программирование политического опыта и (производство) взаимосвязанного комплекса взаимных ожиданий... посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени» (Завершинский 2019: 102). Этот инструмент формирует смысловой комплекс, позволяющий структурировать реакцию на развивающиеся события, определять способы формулирования проблем и предлагать ответные меры (Freedman 2006: 22).

При этом отличие стратегического нарратива от общественной теории состоит в его ориентированности на конкретный исход процесса, который он направляет. Именно конечная точка всего движения придает смысл всем частям его содержания целого (Roberts 2006: 712). В процессе разворачивания нарратива возникает смысловая рамка, которая удерживает весьма разрозненный микс подходов и позволяет создавать трансгрессии между их смысловыми компонентами.

Собственно, соотнесенность, непротиворечивость и смысловое единство фундаментальных предпосылок для стратегического нарратива не имеют того же значения, что им присуще в общественной теории в ее научном смысле. Задача этого инструмента прямо противоположна – способствовать реализации отдельных ангажированных политических инициатив, действий с запрограммированным результатом. А его функция как раз и состоит в связывании воедино разрозненных событий и тенденций и подчинении их инструментально заданной причинности в интерпретативной структуре, с помощью которой можно придать событию или процессу желаемый социальный смысл.

Риторическое принуждение: внешнее управление идентичностью. Основные смысловые комплексы, предложенные и заимствованные для концептуализации российской государственности в ситуации кризиса и поиска путей его преодоления, имеют все признаки ориентированности на создание определенных значимых эффектов практического характера. В отсутствие достаточных собственных ресурсов для создания теорий общественного развития в ядро самопонимания российского государства приносились идеи, кристаллизованные в процессе интеллектуальной эволюции, опирающиеся на традиции, системы референции и ценности Запада. Именно поэтому они могут рассматриваться как инструмент для обслуживания его гегемонии.

Тонкая грань между объясняющей политической теорией и формирующим стратегическим нарративом оказывается принципиальной. Речь идет не просто о формировании случайно или намеренно искаженной в абстрактном пространстве медийных коммуникаций картины цивилизационного развития страны. Она прямо влияет на распределение такого важного ресурса, как престиж, и далее программирует значительную часть практических шагов, предположительно необходимых для коррекции ситуаций, интерпретированных как отклонения от стандартной формы. А де-факто эта искаженная картина способствует изменению относительного политического веса конкурирующих в мировом пространстве акторов, их подчинению и субординации.

Очевидно, что укоренение навязанных самоописаний в общественном сознании приводит к утрате суверенного контроля над тем, что можно назвать номинативной властью – властью самоопределения. Этот организационный дефицит далее ведет к невозможности самостоятельно формировать идентичность государства и общества и делает неизбежной деградацию значительной части коммуникационного ресурса политики – как способности к трансляции собственных смысловых комплексов и ценностей как проекции влияния во внешней среде.

Данная ситуация имеет критические последствия для определения идентичности не только во внутреннем пространстве, но и для взгляда на нее извне. Более того, став самостоятельной частью внутрироссийской общественной дискуссии

и будучи возвращенными в общемировое идейное пространство уже в качестве самоописаний и саморефлексии, заимствованные концепты предстают как репрезентации истинного эндогенного самовосприятия и самопонимания страны.

Так, возвращенный в глобальную систему коммуникаций в качестве российского нарратив о периферийности указывает на то, что технологическое и социальное недоразвитие страны является не свидетельством определенного ее состояния в конкретный период, а неотъемлемой сутью системы. Принятый нарратив транзита приобретает характер сигнала о готовности к направленным реформам, ориентированным на заданный образец, и поскольку данное направление развития в конечном счете становится единственно возможным, то, соответственно, возникают потребности во внешнем организационном консультировании. Функциональность проблематики гибридности определяется фиксацией окончательности неудачи в продвижении к норме и неизбежности дефектного характера системы общественных отношений, а следовательно, служит доказательством справедливости отведенной политике периферийной позиции в мировом распределении политической и экономической силы, труда, ресурсов и благ. Приписывание российской политике качества имперскости, делегитимизированного в рамках современной мировой системы принципом суверенного равенства государств, одновременно с качеством периферийности создает представление об участнике международного сообщества, действующем за пределами своего реального статуса и веса в международных отношениях. Возможный потенциал лидерства тоже оказывается заблокированным в свете приписанной инаковости ценностных оснований и практик, которые также в этой оптике противоречат общезначимым принципам ответственного и подконтрольного обществу властного аппарата современного государства.

Примененные вместе, особенно при широкой циркуляции в общественной дискуссии внутри страны, переносе в массмедиа, в процесс создания произведений массовой культуры, нарративы периферийности и имперскости создают представление о слабом участнике международного сообщества, нуждающемся в опеке, покровительстве, направляющем организационном содействии и (по необходимости) – в дисциплинировании и принуждении.

Очевидно, здесь проявляется эффект, получивший в западном дискурсе название *риторическое принуждение*. Он возникает в результате коммуникационной асимметрии, когда доминирующий актор оказывается способен навязать оппоненту позицию и действия, которые в противном случае были бы отвергнуты (Krebs, Jackson 2007: 36). В такой ситуации репрезентативная сила и принуждение трансформируются в метавласть – способность доминирующих акторов к реконфигурации, формированию или воссозданию идентичности целевых сообществ (Singh 2012: 472).

Однако в случае конформного заимствования подобное принуждение может рассматриваться уже и как легитимное, поскольку предположительно преследует добросовестные цели помощи и обеспечения процесса реформ превосходящим экспертным знанием и практическим опытом, и как добровольное, поскольку подчиняемый актор самостоятельно и инициативно выступает в качестве субъекта, заинтересованного во взаимодействии.

Так, например, признание ценностного и институционального несовершенства системы защиты прав человека в становящемся российском государстве и вместе с тем превосходящего престижа западной модели демократии и защиты прав человека предопределило вынос значимой части функций справедливости и разрешения конфликтов за пределы правовой системы РФ – в Европейский суд по правам человека. Подчинение уже на конституционном уровне правовой системы страны внешнему арбитру имело весомые последствия.

Реализация такой субординации одновременно создала новый значимый канал для дальнейшего экспорта и интеграции в правовую систему норм внешнего генезиса и сформировала условия для возникновения громких ситуаций, которые часто наносят непоправимый репутационный и материальный ущерб. Исправление этой ситуации потребовало проведения конституционной реформы, которая укрепила оградительные механизмы для попыток внешнего нормирования. Исправление множества сходных ситуаций еще предстоит.

Стратегический нарратив: не только риторика. В оценке глубины воздействия на целевые общества важно и то, что стратегический нарратив предназначен не только

для формирования определенного мнения или восприятия ситуации. Являясь интегратором дискурсивных коалиций – политически и медийно активных групп, он становится инструментом модификации социальной структуры общества (Панкевич 2023). Особую роль в процессах интеллектуального экспорта-импорта приобретают возникающие в структуре целевого социума эпистемные сообщества, ориентированные на определенный идейный комплекс.

Именно поэтому форма внешнего идеологического воздействия по обладавшему в советский и ранний постсоветский период высочайшим общественным престижем нестандартному каналу, которым является научная дискуссия, не должна маскировать стратегический характер примененных смысловых комплексов. В рассматриваемом случае вряд ли будет справедливо просто говорить лишь о тех неизбежных искажениях и погрешностях в понимании общественного развития, которые связаны с невозможностью обеспечить абсолютную объективность самого добросовестного исследователя общественных отношений и его зависимостью от ценностных и идейных предпочтений, обусловленных социализацией в определенной ценностной парадигме. Важно, что присущая научной сфере операциональная автономия в выдвижении и обосновании тех или иных гипотез определенно служила повышению статуса и практической эффективности подобного воздействия. Видимая востребованность импортированных идей и их широкая циркуляция в научном, а затем и в медийном пространстве способствовали восприятию основных тезисов как консенсусных для российского общества.

При этом локализация научной деятельности в структуре общественных отношений предоставляла прямой доступ к трансляции идей центрам разработки стратегий общественного развития и принятия конкретных политических решений. Очевидна и обратная связь, возникающая в структуре медиасреды: интересы и стратегии определенных игроков, демонтирующих управленческую систему и осуществляющих вынос тех или иных властных функций за пределы государства, легитимировались с позиций «передовых общественных теорий».

Тридцатилетний опыт государственного строительства после распада СССР ярко свидетельствует о том, что сохранение

репрезентативной силы государства, связанное с устойчивостью представлений о себе, своей сути и природе, имеет критическую значимость. Оно локализовано «выше» и «за пределами» всех конкретных ролей и функций, состояний и статусов, которые могут быть свойственны или в силу многообразных причин предписаны политике в конкретно-исторических обстоятельствах. Субъектность государства прямо зависит от сохранения конфигурации социолингвистических систем, определяющих его идентичность (Mattern 2005: 97). Поэтому контроль над таким важным идентитарным ресурсом, как самопонимание и самоописание, можно с уверенностью отнести к числу компонентов социальной безопасности.

Заключение. В современных условиях способность противостоять риторическому принуждению зримо усложняется в связи с формированием новых медиаландшафтов, открывающих перспективы становления новых типов акторов, оказывающих давление на содержательные компоненты государственной идентичности. Речь идет о фактически неизвестных на момент слома советской системы децентрализованных транснациональных политических мотивированных сообществах, которые действуют поверх государственных границ. Сегодня активизм таких экстратерриториальных общностей чрезвычайно значим – он создает новые смыслы, альтернативные идеологии, способы и каналы внедрения идей в общественную дискуссию.

Вместе с тем, опыт постсоветского периода ценен тем, что прямо указывает факторы, ведущие к острому дефициту собственных ценностных оснований и смысловых комплексов, способных оградить идентитарное ядро общества от масштабной инъекции семантического программирования за счет внешних оценочных, политически мотивированных стратегических нарративов. При всей важности контроля над духовным и ценностным пространством страны монополизация идеологической функции и ее слияние с функцией выработки критической общественной теории, закрывающие общественную дискуссию, несут в себе очевидные риски необходимости обращения к замещающим смысловым комплексам. Многие, если не большинство из них, со временем обнаруживают свою идеологическую и инструментальную заряженность.

Сохранение и защита идентичности требуют выработки нормативных самоописаний российской государственности, ее сути, смысла, идентичности. Опора на них создаст необходимый запас стабильности и предсказуемости ценностных ориентиров во внешне- и внутриполитическом пространстве. Представляется, что данные смысловые комплексы должны вырабатываться и закрепляться в рамках принятия документов стратегического планирования и отражать как исторически раскрывшийся характер российской идентичности, так и перспективу ее развития.

Данная работа начата, и ее результаты закреплены, например, в рамках Концепции внешней политики РФ, Концепции государственной языковой политики. Ее продолжение может быть связано как с разработкой новых инструментов и концепций стратегического планирования, так и с обогащением новым нормативным содержанием уже существующих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бовдунов А.Л. 2022. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокOLONиализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 22, № 4. С. 645–658. DOI 10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658

Завершинский К.Ф. 2019. Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. Т. 15, № 1. С. 88–107. DOI 10.21638/11701/spbu23.2019.107

Зубов А.Б., Салмин А.М. 1991. Союзный договор и механизм выработки нового национально-государственного устройства СССР // Полис. Политические исследования. № 1. С. 42–57.

Кагарлицкий Б.Ю.* 2009. Периферийная империя: циклы русской истории. Москва : Алгоритм : Эксмо. 576 с.

Мартьянов В.С. 2021. В поисках другого мейнстрима // Полис. Политические исследования. № 4. С. 112–131. DOI 10.17976/jpps/2021.04.09

Мартьянов В.С., Руденко В.Н. 2022. Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности // Политика. № 1. С. 24–49. DOI 10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49

Панкевич Н.В. 2023. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному

* Включен в реестр иностранных агентов.

развитию государственной политики единства // Антиномии. Т. 23, № 2. С. 47–76. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_47

Тихонов В. 2024. «Деколонизация» истории народов СССР в советской историографии (1920–1930) // Quaestio Rossica. Т. 12, № 1. С. 193–208. DOI 10.15826/qr.2024.1.873

Фадеичева М. 2007. Урал в системе «внутреннего колониализма» // Свободная мысль. № 6. С. 45–54.

Фукуяма Ф. 2024. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. Москва : Альпина Паблишер. 255 с.

Шабаетов Ю.П. 2022. «Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем // Вестник Российского университета дружбы народов: Политология. Т. 24, № 4. С. 757–778. DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778

Эткинд А.* 2013. Внутренняя колонизация. Москва: Новое лит. обозрение. 448 с.

Carrington P.D. 2007. Writing Other Peoples Constitutions // North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation. № 33.P. 168–217.

De Graaf B. et al. 2015. Introduction: Shaping Societies for War: Strategic Narratives and Public Opinion / B. De Graaf, G. Dimitriu, J. Ringsmose // Strategic Narratives, Public Opinion, and War / Eds. B. De Graaf, G. Dimitriu, J. Ringsmose. London : Routledge. P. 3–13. DOI 10.4324/9781315770734-9

Freedman L. 2006. Networks, Culture, and Narratives // Adelphi Papers Series. Vol. 45, № 379. P. 11–26. DOI 10.1080/05679320600661640

Fukuyama F. 1992. The End of History and the Last Man. New York : The Free Press. 455 p.

Krebs R.R., Jackson P.T. 2007. Twisting Tongues and Twisting Arms: The Power of Political Rhetoric // European Journal of International Relations. Vol. 13, № 1. P. 35–66. DOI 10.1177/1354066107074284

Mattern J.B. 2005. Ordering International Politics: Identity, Crisis, and Representational Force. London : Routledge. 316 p.

Pankevich N. 2014. Phenomena of legal transplants related to the social model of the post-Soviet countries // Transformation durch Rezeption? / hrsg. E. Kurzynsky-Singer. Tübingen : Mohr Siebeck. S. 39–64.

Roberts G. 2006. History, Theory and the Narrative Turn in IR // Review of International Studies. Vol. 32, № 4. P. 703–714.

Simpson E. 2012. War From the ground up: twenty-first-century combat as politics. New York : Columbia Univ. Press. 256 p.

Singh J.P. 2012. The Meta-Power of Interactions: Security and Commerce in Networked Environments // The Meta-Power Paradigm: Impacts and Transformation of Agents, Institutions, and Social Systems: Capitalism, State, and Democracy in a Global Context / Tom R. Burns, Peter M. Hall (Eds.). Frankfurt am Main [etc.] : Lang. 554 p.

* Включен в реестр иностранных агентов.

Natalia V. Pankevich

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Russian Statehood and the Western Strategic Narrative: Identity versus Rhetorical Coercion

Abstract. The article examines instrumental and substantive forms of borrowing from Western ideological complexes by Russian social theory during the period following the collapse of the USSR. Along with an assessment of their damaging effect, some directions for counteracting their distorting potential are proposed. The process of transferring borrowed ideological complexes is shown to involve a toolkit created under conditions of competition with the Soviet/Russian model and directly intended for expert support of this competition. It is shown that the borrowed items were directed to the value centre of the system and used for the transformation of its identity core. The instrumental nature of the applied techniques is revealed through the concept of strategic narrative as a technique for the semantic programming of political experience along with its substantive components, qualifying features and scope of action in ideological, social and managerial spaces. Common semantic complexes used to describe and self-describe Russian statehood are considered as strategic narratives. A direct dependence of the state's subjectivity on its preservation of the systemic sociolinguistic configuration that determines its identity and the ability to resist rhetorical coercion from external centres of influence is revealed. A number of directions for the protection and development of the representative power of the Russian Federation under contemporary conditions are proposed. In particular, it is shown that the preservation and protection of identity require the development of normative self-descriptions of Russian statehood in terms of its essence and meaning consolidated at the level of programme and strategic planning documents.

Keywords: state identity; strategic narrative; intellectual transplant; identity; rhetorical coercion; representative power; state sovereignty; distortion of the civilisational development of the Russian Federation

Даниил Александрович Аникин
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия
E-mail: dandee@list.ru
ORCID: 0000-0001-6232-6557
ResearcherID: D-7070-2013
SPIN-код: 2015-5946

Геноцид советского народа: траектории правовой культуры и исторической политики

Аннотация. Характерными чертами современной исторической политики выступают криминализация и виктимизация, результатом чего становится конструирование коллективных травм как инструментов политической консолидации общества. Политическая инструментализация геноцида происходит в контексте мемориальных войн, разворачивающихся между странами Восточной Европы и Российской Федерацией по поводу переосмысления социалистического прошлого. Признание геноцидом таких исторических событий, как голод 1932–1933 гг., становится не только важным фактором гражданского нациестроительства, но и инструментом международной символической борьбы. Разработку понятия «геноцид» по отношению к преступлениям нацистского режима на уровне судебных решений и федерального законодательства стоит рассматривать как ответную реакцию на использования данного понятия странами Восточной Европы в качестве обоснования пересмотра поствоенного международного порядка, закрепленного решениями Нюрнбергского суда. Появление в 2024 г. законопроекта «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», внесенного в Государственную Думу, оставляет неразъясненным ряд вопросов. Прежде всего это проблема интерпретации понятия «народ» с точки зрения этнического или гражданского понимания нации, кроме того, вопрос соотношения вновь разрабатываемых категорий мемориального законодательства с понятиями, уже закрепленными в действующих нормативных актах (жертвы Великой Отечественной войны).

Ключевые слова: геноцид, травма, мемориальный закон, советский народ, преступление против человечества, мемориальные войны, инструментализация, народ

Постановка проблемы. 18 июня 2024 г. группа депутатов представила в Государственную Думу РФ текст законопроекта «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Показательно, что депутаты продемонстрировали редкое межфракционное единодушие в подготовке данного законопроекта, что само по себе еще не является гарантией его принятия, но символизирует то значение, которое придается данному проекту в процессе увековечивания памяти о Великой Отечественной войне. Как отмечает О.Ф. Русакова, «в государственном дискурсе историческая память рассматривается главным образом в качестве одного из структурных компонентов богатого набора традиционных ценностей, составляющих основу национальной идентичности России. Но вместе с тем понятие “историческая память” фигурирует в официальных документах еще и в качестве одного из доминирующих стратегических приоритетов национальной политики, связанной с защитой традиционных российских ценностей» (Русакова 2023: 37). Для современной исторической политики в России вопрос сохранения памяти о Великой Отечественной войне становится одним из ключевых, что придает анализу данного законопроекта не только научное, но и вполне прикладное значение.

Вопрос о нормативном закреплении понятия «геноцид советского народа» представляется крайне важным в контексте анализа мемориальных законов, принятых в последние годы в РФ, а также правоприменительной практики по мотивам этих законов. Данный вопрос имеет как сугубо правовое, так и теоретико-политологическое и социально-философское измерение.

В правовом смысле предлагаемый законопроект служит способом уточнения и конкретизации юридической ответственности за военные преступления по отношению к мирному населению, кроме того, он предполагает четкое определение полномочий государственных органов и органов местного самоуправления по увековечиванию памяти жертв Великой Отечественной войны.

В теоретико-политологическом смысле само появление законопроекта стоит рассматривать как закономерное развитие целой цепочки нормативных актов, регулирующих

и контролирующих способы обращения к прошлому. По отношению к подобным нормативным актам в современной социальной науке закрепилось наименование «мемориальных законов» (memory laws). Наиболее важным предметом исследования предстает тот политический контекст, который вызывает к жизни потребность в кодификации представлений о прошлом, а также выбор тех категорий, которые используются для подобной кодификации.

В социально-философском смысле существенным оказывается изменение моделей представлений о прошлом (прежде всего о Великой Отечественной войне) с точки зрения эмоциональной окрашенности данных воспоминаний, акцентирование внимания в публичном пространстве на травматичности и жертвенности исторической памяти о войне. Можно согласиться с Д.Э. Летняковым, отмечавшим следующее: «...коллективную память общества контрпродуктивно рассматривать как нечто единое, гомогенное и монолитное. Напротив, она представляет собой соединение разных элементов, нередко противоречащих друг другу» (Летняков 2021: 72). В этом смысле современная коллективная память российского общества также является крайне неоднородной, поэтому вопросы ее потенциальных расколов, а также нелинейной динамики представляются крайне важными для научного исследования.

В рамках данной статьи предполагается сосредоточиться на теоретико-политологических аспектах нормативного закрепления понятия «геноцид советского народа», внешнеполитических и внутривнутриполитических контекстах трансформации мемориального законодательства в данном направлении.

Тематика геноцида в контексте мемориальных законов.

Представление о существовании общих для определенного общества трагедий является важным элементом формирования и поддержания национальной идентичности, причем создание национальных государств как акторов политики памяти и политики идентичности привело к усвоению ими тех вариантов травматического восприятия прошлого, которые были выработаны в рамках христианского мировоззрения. Как считает А.В. Яркеев, «самопожертвование ради небесного отечества в итоге приобрело вид гражданского самопожертвования ради земной отчизны, а “мученичеству” героически павших был придан национальный

колорит» (Яркеев 2023: 22). В этом смысле обращение к коллективным травмам не является специфической характеристикой современного этапа развития политики памяти.

Н.Е. Копосов отметил: «Своеобразие нынешней исторической политики во многом коренится в двух важных особенностях современной памяти. Речь идет о криминализации и виктимизации прошлого – о взгляде на историю как на цепь преступлений и о стремлении человеческих коллективов представить себя в качестве их жертв» (Копосов 2011: 52). В этом видится ключевое отличие современного отношения к прошлому от романтической эпохи создания национальных нарративов в XIX в., когда прошлое мыслилось как приключенческий роман, в котором нация выступала главным действующим героем. Криминализация прошлого строится вокруг стремления представить историю сообществ как детектив, в ходе которого должен быть обязательно найден преступник, причем представления о том, кто именно должен быть определен в таком качестве, у большинства современных политических акторов существенно расходятся.

Виктимизация представляет собой процесс, в ходе которого формируется представление о существовании сообщества жертв, которые являются пострадавшими от совершенного преступления, что в свою очередь предполагает определенное восстановление справедливости (юридическое, экономическое или символическое воздаяние). Как справедливо отмечают К. Эльячефф и Д. Суле-Ларивьер, «на процессах Эйхмана (1961) и Клауса Барби (1987) непризнанные жертвы хотели, чтобы за ними был признан статус жертв преступления против человечности, а не героев. Это стало важным этапом, занявшим определенное время: появился язык, позволяющий жертвам говорить о себе, более того, стало обязательным искать причины появления жертв в тех или иных качествах современного мира» (Эльячефф, Суле-Ларивьер 2022: 29). Из этого следует, что, во-первых, само возникновение практики виктимизации напрямую соотносится с осознанием трагических последствий Второй мировой войны, а во-вторых, состояние жертвенности не рассматривается как случайное стечение обстоятельств, предполагает наличие персонифицированной или деперсонифицированной фигуры преступника.

Но там, где есть преступление, должно быть и наказание. Точнее говоря, представление о наличии в прошлом преступлений предполагает необходимость и возникновения тех нормативных рамок, которые позволяют установить ответственность за совершенное преступление, а самое главное, и призвать к ответу тех, кого современное виктимизированное сообщество считает преступниками.

Под мемориальными законами обычно подразумеваются нормативные акты, устанавливающие ответственность индивидуальных или коллективных субъектов за публичные высказывания о прошлом. В качестве примера первого такого закона приводится акт Гайсо (Gayssot Act), который был принят во Франции 13 июля 1990 г. и который установил юридическую ответственность за отрицание фактов геноцида, расизма и ксенофобии, в частности, за отрицание Холокоста. Именно упоминание конкретного исторического события (Холокост) делает этот нормативный акт ярким примером мемориального закона, ограничивающего возможность публичных высказываний по поводу прошлого с точки зрения не только национальных интересов, но и интересов человечества в целом. Но важно понимать, что у акта Гайсо была своя предыстория, связанная с закреплением в международном законодательстве самого понятия «геноцид», причем, несмотря на кажущуюся универсальность самого термина с точки зрения проявлений в различные исторические эпохи, его концептуализация напрямую связывалась с событиями Второй мировой войны.

9 декабря 1948 г. была принята Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», в которой было впервые сформулировано само понятие геноцида, точнее говоря, были обозначены критерии, по которым уголовное преступление могло быть отнесено к данной категории. «Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу»¹.

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 12.10.2024).

Сама потребность в уточнении понятия «геноцид» была вызвана деятельностью Нюрнбергского суда, а также тем, что в предшествующей резолюции ООН 96 (I) от 11 декабря 1946 г. геноцид просто провозглашался преступлением, нарушающим нормы международного права, но при этом точного юридического определения дано не было. В Конвенции 1948 г. было уточнено, что под определения геноцида подпадают действия, направленные против национальных, этнических, расовых или религиозных групп, что, с одной стороны, конкретизировало список сообществ, насильственные действия по отношению к которым могли расцениваться как геноцид, а с другой – оставляло определенный диапазон толкований, поскольку в качестве отдельных терминов использовались «национальный» (national) и «этнический» (ethnical). Подобная двусмысленность обращения к термину «нация» не позволяла конкретизировать, идет ли речь исключительно о нации в ее этническом значении либо о гражданской нации, что существенно расширяет потенциальную трактовку геноцида.

Еще один важный шаг на пути установления юридической ответственности за военные преступления был сделан в 1968 г., когда на Генеральной ассамблее ООН была принята Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (резолюция 2391 (XXIII) от 26 ноября 1968 г.)². В преамбуле к ней напрямую проговаривалось, что отмена срока давности по отношению к военным преступлениям и преступлениям против человечества основывается на решениях Нюрнбергского трибунала. Показательно, что упоминание геноцида в содержании данной Конвенции свидетельствует об отсутствии знака равенства между данными видами преступлений. Точнее говоря, геноцид рассматривается как одно из преступлений против человечества, но не единственное, поскольку к таковым причисляется еще целый ряд преступлений, указанных в Уставе Международного нюрнбергского военного трибунала, а именно «убийства, истребление,

² Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 12.10.2024).

порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»³.

Можно согласиться с Т.Г. Дадуани, что «между двумя связанными, но отличающимися понятиями “геноцид” и “преступления против человечности” существовала непростая взаимосвязь. Геноцид не только был квалифицирован в качестве международного преступления в рамках международной конвенции, но и сопровождался значительными дополнительными обязательствами, а именно: предотвращать преступления; вводить в действие национальные законы и применять наказание за преступление; взаимодействовать при выдаче преступников» (Дадуани 2011: 142). Вместе с тем расширительное толкование преступлений против человечества не предполагало, что каждое из них может рассматриваться как акт геноцида, но активное распространение именно в 1960-е годы представлений о Холокосте как главной трагедии мирного населения в годы Второй мировой войны привело к тому, что в общественном сознании укоренилось представление о неразрывной связи и даже взаимозаменяемости данных понятий. Таким образом, виктимизация памяти о Холокосте привела к появлению модели геноцида, которая стала ключевой для последующего политического и правового использования не только с точки зрения критериев отнесения того или иного события к геноциду, но и с точки зрения определения последствий для тех сообществ, которые выступали в качестве жертв.

Политическая инструментализация геноцида в контексте мемориальных войн. В начале XXI в. важным фактором международных отношений становится постепенное усложнение отношений между Российской Федерацией и странами Западной Европы, что не могло не найти отражение

³ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 12.10.2024).

и в сфере мемориальной политики – все отчетливее ставился вопрос об ответственности СССР не только за социалистические режимы в поствоенной Восточной Европе (концепция «двойной оккупации»), но и за само развязывание Второй мировой войны. Забегая вперед, можно напомнить, что именно последняя политико-правовая инвектива нашла отражение в резолюции Европейского парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы», принятой 19 сентября 2019 г., где провозглашалась двойная ответственность СССР и Германии за развязывание войны⁴.

Но специфика «войны памяти» заключается в их своеобразном эпистемологическом статусе, поскольку их целью трудно считать выяснение окончательной истины относительно того или иного события. Вопрос заключается, скорее, в определении того сообщества, которое будет обладать моральным правом рассказывать историю, расставляя в ней акценты по поводу виновности или жертвенности. «Споры вокруг Второй мировой войны – это не борьба за внедрение некоторого убеждения относительно нее, а борьба за право быть рассказчиком нарратива о ней. Аналогично и все многочисленные темы “войн памяти” – это борьба за позицию рассказчика и все сопутствующие ей выгоды» (Илларионов, Мосиенко 2023: 40).

Любая коллективная травма, позволяющая представить определенное сообщество в качестве жертв (или наследников жертв) действий, имевших место в прошлом, становится сильным аргументом в процессе символической борьбы. Но в условиях девальвации жертвенности, когда любое сообщество может апеллировать к имевшим место в ее истории трагическим событиям, предполагающим виновность иного сообщества, становится важным уже не только обозначить саму коллективную травму, но и придать ей особый характер, переиграть противника на «символическом поле».

Тема геноцида, в европейской политико-правовом нарративе традиционно связываемая с Холокостом, именно в условиях переосмысления государствами Восточной Европы своих

⁴ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 12.10.2024).

геополитических приоритетов и исторической политики приобретает новое звучание. С точки зрения политического контекста, апелляция к геноциду начинает наиболее активно использоваться по отношению к тем государствам, которые рассматриваются как остатки (или правопреемники) бывшего социалистического лагеря. В частности, в 2009 г. Европейский Парламент принимает резолюцию по Сребренице, в которой напрямую характеризует действия сербских войск по отношению к мирному населению как геноцид⁵. Параллельно разворачивается еще попытка переосмысления в качестве геноцида массового голода на территории Советского Союза, который получает в украинской историографии расхожее наименование «Голодомор».

Показательным является выстраивание концепции «Голодомора» как геноцида по уже сложившейся на примере Холокоста нормативной траектории. В 2003 г. Верховная Рада принимает решение о признании «Голодомора» геноцидом, а уже в 2006 г. принимается закон, устанавливающий юридическую ответственность за отрицание «Голодомора». В научной статье, исследующей различие российских и украинских позиций по поводу данного события, авторы отмечают, что восприятие голода 1932–1933 гг. не просто в качестве общей трагедии, а именно в качестве целенаправленного акта по искоренению украинского народа становится элементом гражданского национализма на Украине. «Голодомор» становится коллективной травмой, вокруг которой строятся попытки консолидации культурно и лингвистически разобщенного населения Украины, поэтому ключевым фактором виктимизации становится сугубо функциональная потребность в формировании национального травматического мифа (Меньковский и др. 2021). Схожую точку зрения высказывает и Г.В. Касьянов, помещая данный пример в более широкий контекст практик нацистроительства на постсоветском пространстве: «Миф о многострадальности той или иной нации является общим практически для всех историографий периода “национальных возрождений” не только в Европе, но и во всем мире (собственно, он является

⁵ European Parliament resolution of 15 January 2009 on Srebrenica. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0028_EN.html?redirect (дата обращения: 12.10.2024).

необходимой частью сценария “национального возрождения”). На постсоветском пространстве он пользуется особой популярностью» (Касьянов 2004: 242).

Но если на территории Украины конструирование «Голодомора» как коллективной травмы началось еще в 1990-е гг., то постепенное распространение его среди европейских стран оказалось связано с общим охлаждением отношений между Россией и Евросоюзом. На протяжении 2000-х гг. более 15 стран официально признали факт «Голодомора», но при этом в различных формулировках: для ряда стран понятия «Голодомор» и «геноцид» выступали как синонимичные; для ряда стран «Голодомор» воспринимался как несомненное преступление советского режима или руководства Советского Союза, но при этом без факта геноцида.

К числу противников отождествления этих понятий относился прежде всего Израиль, выступавший против расширительной трактовки геноцида. По словам Э. Зуроффа, высказанным в 2019 г., «одной из самых больших проблем, с которыми мы сталкиваемся сейчас, является так называемая “теория двойного геноцида”, распространенная по всей Восточной Европе, где правительства пытаются утверждать, что преступления коммунистов были равносильны геноциду»⁶. По сути, речь шла о том, что геноцид из правового механизма, позволяющего обосновать возможность привлечения к ответственности без учета прошедшего времени, все больше превращался в политический инструмент для сведения счетов с идейными противниками.

Интенсификация процесса инструментализации «Голодомора» как геноцида была связана с вооруженным конфликтом на Украине. На протяжении осени 2022 г. в целом ряде европейских стран были приняты законодательные акты, в которых уже без лишних оговорок прозвучало признание «Голодомора» геноцидом с установлением юридической ответственности за его отрицание. Кульминацией этих публичных действий стало принятие Европейским парламентом резолюции, приуроченной к 90-летию со дня начала голода, в которой провозглашалось, что

⁶ Zuroff: Israel should not recognize Holodomor as genocide. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/zuroff-israel-should-not-recognize-holodomor-as-genocide-578308> (дата обращения: 12.10.2024).

парламент «признает Голодомор – искусственно и преднамеренно созданный политикой советского режима голод в 1932–1933 годах в Украине – геноцидом украинского народа, так как он был осуществлен с целью уничтожить группу людей путем преднамеренного создания условий жизни, рассчитанных на ее физическое уничтожение»⁷. Все научные дискуссии о корректности использования данного термина по отношению к сложному и неоднозначному явлению массового голода 1932–1933 гг. остались позади, что вывело на первый план уже не правовой, а политический аспект данной проблемы.

Виктимизация бывших социалистических республик (как Восточной Европы, так и непосредственно постсоветского пространства) и являющаяся обратной стороной данного процесса криминализация России как правопреемника Советского Союза, имела вполне определенные последствия не только с точки зрения актуальной политической повестки, но и в контексте мемориальных войн. Статус жертвы позволял снять с целого ряда государств вопросы ответственности за преступления, совершенные в годы войны, в том числе и по отношению к народам Советского Союза, кроме того он открывал путь открытой героизации пособников нацистского режима из числа представителей восточноевропейских стран.

Логичной реакцией на формирование жертвенного нарратива на Украине стало стремление к обоснованию морального и юридического права России на привлечение к ответственности за совершенные преступления, что проявилось как в появлении целого ряда общественных проектов, так и в попытках нормативного закрепления подобного права.

От народов к народу: понятие геноцида в российской мемориальной повестке. Актуализация тематики нацистских преступлений против человечества на территории Российской Федерации (и шире – бывшего СССР) произошла в 2018 г., что было вызвано не только внешнеполитическими, но и внутриполитическими факторами.

⁷ Резолюция Европейского парламента от 15 декабря 2022 года «Спустя 90 лет после Голодомора: признание массового морения голодом геноцидом» (2022/3001(RSP)). URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/263124/1269638%2090%20years%20after%20Holodomor%2015.12.2022%20RU.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).

Еще за несколько лет до этого, в 2014 г., появились поправки в Уголовный кодекс РФ, которые установили ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ), что стало, по сути, первым примером мемориального закона в России (Аникин, Головашина 2023). В том же 2014 г. были внесены поправки в статью 20.3 КОАП РФ, которая получила уточненное название «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»⁸.

Наконец, 9 мая 2018 г. был подписан Указ Президента РФ, запустивший подготовку празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, что предполагало разработку и утверждение плана подготовки и проведения основных праздничных мероприятий⁹. Планируемая в 2020 г. дата воспринималась как сравнимая по своему символическому потенциалу с предыдущей «круглой» годовщиной в 1995 г.

На заседании Организационного комитета «Победа» 12 декабря 2018 г. в выступлении Е.М. Цунаевой, являющейся по совместительству ответственным секретарем Поискового движения России и председателем комиссии Общественной палаты РФ по делам молодежи, развитию добровольчества и патриотическому воспитанию, прозвучала мысль о необходимости создания проекта «Без срока давности», направленного на актуализацию памяти о преступлениях нацистов против населения СССР.

Стоит обратить внимание на два момента, затронутые в этом выступлении. Во-первых, международный контекст переосмысления роли СССР в процессах борьбы с нацизмом: «Многие исполнители карательных акций избежали наказания, получив убежище за границей. Более того, они становятся символом

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Ст. 20.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/e3620d183bd6d1fe2ab8b0c912809857217325a2/ (дата обращения: 12.10.2024).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2018 № 211 «О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43034> (дата обращения: 12.10.2024).

новой волны пересмотра итогов Второй мировой войны... К сожалению, в ряде стран это стало частью государственной политики, и это при полном попустительстве европейских соседей, которые тоже, видимо, уже забыли, к чему привело бездействие их бабушек и дедушек в 30-е годы XX века»¹⁰. Во-вторых, именно в этом выступлении заходит речь о геноциде, причем по аналогии с Холокостом, но о геноциде не только евреев, но и других народов, проживавших на территории Советского Союза: «Преступление на всех временно оккупированных территориях нацистами однозначно свидетельствует о подлинном геноциде не только в отношении евреев, но и всего славянского народа»¹¹.

Запуск проекта «Без срока давности» в 2019 г. привел не только к активизации общественной деятельности по поиску захоронений и установке памятников жертвам нацизма, но и появлению правовой практики возбуждения уголовных дел по статье 357 УК РФ за преступления, совершенные во время Великой Отечественной войны. Первым прецедентом вынесенного судебного решения стало признание военным преступлением против человечества массового убийства мирных граждан в 1942–1943 гг. в деревне Жестяная Горка Новгородской области. Солецкий районный суд, который вынес свой вердикт 27 октября 2020 г., согласился с доводами прокуратуры о том, что непризнание данного преступления геноцидом ограничит права потерпевших¹².

На протяжении последующих лет (2020–2024) аналогичные решения были приняты судами целого ряда субъектов Российской Федерации, причем динамика и география принимаемых решений позволяют судить о том, что в ближайшей перспективе все регионы, на территории которых происходили

¹⁰ Заседание оргкомитета «Победа» (12 декабря 2018 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59388> (дата обращения: 12.10.2024).

¹¹ Там же.

¹² Кикнадзе В.Г. Геноцид нашего народа впервые признан судом, 28.10.2020 [Блог Владимира Кикнадзе. Вып. 39]. URL: <https://www.noo-journal.ru/blog/patrioticheskie-svodki-ot-vladimira-kiknadze/genotsid-naseleniya-rossii-resheniye-suda-novgorodskaya-oblast-zhestyanaya-gorka/> (дата обращения: 12.10.2024).

в 1941–1945 гг. военных действия, присоединятся к данному процессу. Осенью 2024 г. факт геноцида был официально установлен на территории республики Адыгеи (26 сентября)¹³ и Донецкой народной республики (1 октября).¹⁴

Не удивительно, что уже весной 2023 г. практика признания преступления против мирного населения проявлениями геноцида оказалась выведена на федеральный уровень. 22 марта 2023 г. появилось Заявление Государственной Думы РФ, в котором говорилось следующее: «Государственная Дума... признает преступные деяния немецко-фашистских захватчиков и их пособников в отношении мирного населения СССР геноцидом народов Советского Союза»¹⁵. В указанной формулировке следует подчеркнуть два принципиальных аспекта. Во-первых, это апелляция к нормативным актам ООН в части формулировок, уточняющих и конкретизирующих понятие геноцида («геноцид национальных, этнических и расовых групп, представлявших собой население СССР»). Во-вторых, это указание на множественное число тех народов, которые выступают жертвами целенаправленной деятельности по их уничтожению со стороны нацистов и их пособников (в том числе и из числа жителей оккупированных территорий).

Стенограмма заседания Государственной Думы позволяет оценить те разногласия, которые возникли между депутатами по поводу формулировок документа. В частности, было заявлено несколько вариантов уточнения состава народов СССР, а особое внимание предлагалось уделить русскому народу, что

¹³ В Адыгее суд удовлетворил заявление прокурора об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленное по поручению Генпрокурора России Игоря Краснова, 26.09.2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98137931> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁴ В Донецке суд удовлетворил заявление прокурора об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленное по поручению Игоря Краснова, 01.10.2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98237033> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁵ Заявление Государственной Думы «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», 22.03.2023. URL: <http://duma.gov.ru/news/56676/> (дата обращения: 12.10.2024).

вызвало очень характерный комментарий председателя комитета по обороне А. Картаполова «Их убивали, резали, жгли, насиловали как граждан Советского Союза, а не как украинцев, белорусов, дагестанцев, евреев и татар, поймите это!»¹⁶. Несмотря на то, что уточнение про граждан Советского Союза в итоговый документ не вошло, оно очень хорошо характеризует ту категориальную развилку, в которой оказалась инициатива по приданию преступлениям против мирного населения статуса геноцида. Представление о геноциде по отношению к народам СССР более четко соответствует духу Конвенции 1948 г., но ставит вопрос о точном составе народов, подвергшихся геноциду (учитывая определенную двусмысленность переписей населения). Представление о геноциде по отношению к народу СССР в значении гражданской нации заставляет обращаться к буквальной трактовке Конвенции 1948 г. относительно различия этнических и национальных общностей, к тому же отсылая к формулировке Конституции 1977 г.: «...общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ»¹⁷.

Отсутствие четкого решения данной задачи демонстрирует и законопроект «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», внесенный в Государственную Думу 18 июня 2024 г.¹⁸ В нем, с одной стороны, «геноцид» применяется по отношению к термину «народ» в единственном числе, а с другой – в самом

¹⁶ Веретенникова К. Депутаты поискали прошлое в настоящем, 22.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5888941> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁷ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁸ Законопроект № 650430-8 «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/650430-8> (дата обращения: 12.10.2024).

определении геноцида советского народа содержится отсылка к этнической трактовке данного термина: «Геноцидом советского народа признаются действия нацистской Германии и ее пособников, направленные на полное или частичное уничтожение национальных, этнических и расовых групп, населявших территорию СССР, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»¹⁹. Связанные с неопределенностью терминологии затруднения носят не только сугубо теоретический характер, но и имеют вполне определенное практическое значение, поскольку позволяют поставить вопрос о соответствии принимаемых нормативных актов международному законодательству, в частности, Конвенциям 1948 и 1968 годов, разработанных при непосредственном участии представителей СССР. Кроме того, по справедливому комментарию на законопроект со стороны Счетной палаты, возникает коллизия, связанная с определением границ самого понятия «жертвы геноцида советского народа»: «...остается неясным, предполагается ли рассматривать жертв геноцида советского народа как отдельную от жертв Великой Отечественной войны категорию граждан, либо речь идет об уточнении понятия жертвы Великой Отечественной войны»²⁰. В настоящее время поправки в данный законопроект не внесены, поэтому понимание того, какая именно траектория будет выбрана для нормативного оформления темы геноцида, пока отсутствует.

В качестве заключительных выводов хочется отметить следующее:

1. Разворачивание мемориальных войн в современных международных отношениях приводит к стремлению использовать трагические события прошлого в качестве инструментов символической политики. Использование коллективных травм в качестве политических аргументов приводит к девальвации жертвенности, то есть утрате символического значения обычных войн или вооруженных конфликтов, что вынуждает стороны в попытке «повышения ставок» обращаться к тематике преступлений против человечества. При этом необходимо учитывать, что понятие «геноцид» не является юридически равным понятию «преступление против человечества», точнее

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

говоря, представляет лишь один из видов подобных преступлений.

2. Моделью для инструментализации геноцида становится Холокост, способы закрепления памяти о котором в символическом пространстве (памятники, публичные выступления, нормативные акты, устанавливающие ответственность за отрицание) начинают тиражироваться по отношению к тем событиям, которые обладают жертвенным потенциалом. Особую остроту использование геноцидов в символическом пространстве приобретает в условиях восточноевропейских и балканских стран, где исторически этническая неоднородность становится основанием для возможности подобной интерпретации.

3. Тематика геноцида в качестве способа реализации мемориальной культуры и исторической политики представляет собой сложное сочетание нескольких мотивов – как стремления сохранить в публичном пространстве память о совершенных преступлениях, так и акта символической борьбы, направленного на переосмысление исторической повестки. Вопрос о геноциде советского народа, активно затрагиваемый в последние годы не только в публичном пространстве, но и в нормативных актах и законопроектах, служит проявлением этой неоднозначности и противоречивости.

4. С правовой точки зрения, нуждающимися в дополнительной проработке и аргументации являются аргументы о существовании советского народа как самостоятельной национальной общности, что логически следует из формулировок Конвенции 1948 г., либо речь должна идти о геноциде народов Советского Союза, что запускает процесс внутренней символической конкуренции между отдельными политическими акторами уже внутри современной России. В рамках политической перспективы представляется важным исследование не только контекста актуализации подобной тематики в современном российском обществе, но и перспектив его трансформации в новую систему гражданских целей и приоритетов прежде всего для молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникин Д.А., Головашина О.В. 2023. Память в законе: нормативное регулирование политики памяти в сетевом пространстве //

Память в сети: цифровой поворот в memory studies / под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та. С. 166–179.

Дадунани Т.Г. 2011. Сравнительный анализ положений резолюции ГА ООН 96 (I) и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». № 4. С. 140–147.

Илларионов Г.А., Мосиенко М.К. 2023 «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. Т. 23, вып. 1. С. 30–50. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_30

Касьянов Г. 2004. Разрытая могила: голод 1932–1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // Ab Imperio. № 3. С. 237–269.

Копосов Н.Е. 2011. Память строгого режима. История и политика в России. Москва : Новое лит. обозрение. 315 с.

Летняков Д.Э. 2021. Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». Т. 18, № 2. С. 61–76. DOI 10.17506/18179568_2021_18_2_61

Меньковский В.И. и др. 2021. «Голодные игры»: Голод 1932–1933 гг. в исторической политике Украины и России / В.И. Меньковский, М. Шмигель, Л. Дубинко-Гуща // Журнал Белорусского государственного университета. История. № 4. С. 7–20. DOI 10.33581/2520-6338-2021-4-7-20

Русакова О.Ф. 2023. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. Т. 20. № 2. С. 32–51. DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_32

Эльячеф К., Суле-Ларивьер Д. 2022. Время жертв. Москва : Ин-т общегуманит. исслед. 256 с.

Яркеев А.В. 2023. Роль политической теологии мученичества в становлении протонационального патриотизма в средневековой Европе // Антиномии. Т. 23, № 2. С. 7–26. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_7

Daniil A. Anikin

Lomonosov Moscow State University, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia. E-mail: dandee@list.ru

Genocide of the Soviet People: Trajectories of Legal Culture and Politics of Memory

Abstract. Criminalisation and victimisation, which characterise contemporary politics of memory, result in the construction

of collective traumas as instruments for the political consolidation of society. The political instrumentalisation of genocide occurs in the context of memory wars unfolding between the countries of Eastern Europe and the Russian Federation as part of a process of rethinking their common socialist past. The recognition of historical events such as the famine of 1932–1933 as “genocide” thus becomes not only an important factor in civil nation-building, but also a symbolic instrument of international geopolitical struggle. The historical development of the concept of “genocide” in relation to the crimes of the Nazi regime at the level of judicial decisions and federal legislation can be seen as a response to the use of this concept by Eastern European countries as a justification for revising the post-war international order as enshrined in the decisions of the Nuremberg trials. The submission to the Russian State Duma in 2024 of a bill “On perpetuating the memory of the victims of the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945” leaves a number of questions unanswered. First of all, these consists in the problem of interpreting the concept of “a people” from the point of view of the ethnic or civic understanding of the nation. In addition, a question arises concerning the correlation of newly developed categories of memorial legislation with concepts already enshrined in existing regulatory acts (victims of the Great Patriotic War).

Keywords: genocide; trauma; memory law; Soviet people; crime against humanity; memory wars; instrumentalisation; peoples

Виктор Дмитриевич Балакаев
Институт государства и права РАН
г. Москва, Россия
E-mail: balakaev.work@gmail.com

«Бороться и искать»: в поисках права на национальную идентичность в общем международном праве

Аннотация. Защита суверенитета и национальной идентичности от внешних угроз является актуальной задачей в условиях глобального многополярного мира. При этом деструктивные установки, направленные на подрыв национальной безопасности и идентичности, могут транслироваться через международные институты. Это требует разработки правовых механизмов, позволяющих государству защищать свою национальную идентичность. При этом данные механизмы должны учитывать и такие исключительные ситуации, в которых защита идентичности невозможна без отказа от исполнения того или иного международного обязательства. Неординарность задачи не только в том, что она вынуждает искать способы отступления от норм международного права. Прежде всего требуется убедиться в наличии у государств права на национальную идентичность и ее защиту обозначенным способом. Настоящее исследование открывает цикл статей, посвященных анализу положений общего международного права, допускающих либо ограничивающих применение государствами механизмов защиты собственной национальной идентичности. Его цель – поиск в международном правопорядке права государств на национальную идентичность. В представленной работе автор начинает исследовать данный вопрос в свете принципа невмешательства во внутренние дела и права народов на самоопределение. С опорой на судебную практику, акты главных органов ООН и доктрину автор приходит к выводу, что право государств на национальную идентичность не может быть обнаружено в этих принципах. Причинами тому являются неопределенность их позитивно-правового содержания, исторические особенности их возникновения и, как следствие, невозможность их расширительного толкования. Сказанное, однако, не означает, что государства вовсе не обладают искомым правом; его поиски могут и должны быть продолжены.

Ключевые слова: национальная идентичность, международное право, принцип невмешательства во внутренние дела, право народов на самоопределение, Международный Суд ООН

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Постановка проблемы. В мире продолжают протекать глобализационные процессы. Наряду с позитивными трансформациями, привнесенными ими в общественно-политическую жизнь, некоторые исследователи усматривают в них угрозу национальной идентичности современных обществ и государств. В научной среде тех стран, в дискурсе которых фигурирует тема защиты национальной идентичности (например, в России), она понимается как система важнейших ценностей, разделяемых большинством членов того или иного общества (Шабров 2023: 18). Проблемы национальной идентичности в контексте глобализации рассматривают и западные ученые (Kennedy 2001: 18).

Вместе с тем национальная идентичность – явление не только социокультурное, но и правовое. В частности, оно имеет значение для международно-правового статуса коллективных субъектов, например, народов¹. Так, Международный Суд ООН в консультативном заключении по *делу о Западной Сахаре*, в котором рассматривались притязания Мавритании и Марокко на данную территорию, оценивал доводы Мавритании о том, что в Западной Сахаре в период испанского владычества проживали племена (шингетти), представлявшие собой целое общество, объединенное общими языком, образом жизни и культурой², т.е. обладавшее известной степенью идентич-

¹ Так, Декларация ООН о правах коренных народов 2007 года акцентирует внимание на том, что коренные народы обладают правом на самоопределение, которое предоставляет им возможность самостоятельно осуществлять свое культурное развитие (ст. 3, 4).

² International Court of Justice (далее – ICJ). Western Sahara. Advisory Opinion of 16 October 1975. § 132(b). URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/61/061-19751016-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

ности. С учетом этого Суд пришел к выводу, что между Марокко, Мавританией и этими племенами, не имевшими своей государственности, возникали тесные юридические связи³. В доктрине международного права способность коллективов вступать в такие связи является признаком международной правосубъектности (Worster 2016: 210-211), хотя Суд и не признал таковую за этими племенами.

Почему проблемы национальной идентичности целесообразно рассматривать в т.ч. через призму международного права? Дело в том, что к настоящему времени сформировалась тенденция рассматривать данные явления как противостоящие: в ряде юрисдикций международное право считается угрозой национальной идентичности, а последняя – правовым инструментом, позволяющим не допустить исполнения международно-правового акта (как правило, решения международного суда), противоречащего принципам и ценностям конкретного общества. В правовой системе эти ценности обычно приобретают вид конституционных норм, а отказ от исполнения международно-правового акта мотивируется его несовместимостью с требованиями конституции. В этом контексте уместно обратиться к доктрине Италии и России как государств, применяющих концепцию национальной идентичности в этом ключе.

Так, председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин говорит о «национальной конституционной идентичности»⁴ главным образом в контексте необходимости разрешения противоречий между национальным и международным правовыми порядками, поддерживая возможность отказа России от исполнения отдельных решений международных судов (Зорькин 2017: 1, 24). Профессор Неаполитанского университета Ф. Паломбини убежден, что отступление государства от решения международного суда (англ. *counter-limits argument*) допустимо, хотя и не без соблюдения строгих условий, таких как противоречие решения фундаментальным

³ Ibid. § 162.

⁴ В.Д. Зорькин использует понятия «национальная идентичность» и «конституционная идентичность» как контекстуальные синонимы: он полагает, что «конституционные ценности» являются «ценностями общего блага», и именно они составляют идентичность народа и государства, будучи при этом закрепленными в конституции (Зорькин 2017: 1, 8).

принципам, отражающим самобытность национального право-порядка, или игнорирование международным судом интересов тех лиц, права которых защищены национальной конституцией (Palombino 2015: 528-529). Тем временем профессор Университета Милана П. Палчетти иронично задается вопросом, имеет ли смысл в эпоху евроинтеграции и глобализации ссылаться на итальянскую или любую другую национальную школу международного права как нечто отличающееся от других школ, которые рискуют в скором времени оказаться пережитком прошлого (Palchetti 2018: 15).

Проблема любых механизмов разрешения несоответствий между национальным и международным правом со ссылкой на защиту национальной (конституционной) идентичности состоит в том, что они обсуждаются и применяются без предварительного ответа на ключевой вопрос о том, обладает ли в принципе государство (государствообразующее общество) правом на национальную идентичность. Если мы можем представить себе право, не снабженное средством защиты (*nudum jus*), то средство защиты в отсутствие защищаемого права – нет.

Таким образом, настоящая работа преследует цель положить начало разрешению методологически важного вопроса о том, обладает ли государство правом на национальную идентичность по общему международному праву и если да, то позволяет ли оно государству отказаться от исполнения международно-правового акта в исключительных случаях, когда иными способами – без ущерба обязательности международно-правовых предписаний – защитить национальную идентичность невозможно. Рассмотрение столь сложного вопроса является предметом не одного исследования, в связи с чем настоящая работа сосредотачивается на поиске этого права в контексте двух императивов международного права: принципа невмешательства во внутренние дела государств и права народов на самоопределение.

Анализ содержания двух указанных принципов на предмет того, можно ли вывести из них право государств на национальную идентичность, требует двух важных замечаний.

Во-первых, международное право неизменно исходит из своего верховенства. Так, еще в 1932 году Постоянная палата международного правосудия в консультативном заключении по делу об

обращении с гражданами Польши и другими лицами польского происхождения на территории Данцига указала, что содержание национальных законов является для международного права лишь вопросом факта, а государство не вправе ссылаться на положения своего законодательства, в т.ч. конституционного, в оправдание неисполнения международно-правовых норм⁵. В XXI веке этот тезис подтвердила Комиссия международного права ООН, комментируя ныне действующий Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния⁶.

Во-вторых, тем не менее, международное право, как и любая правовая система, не исключает отступления от собственных положений (применение силы в рамках самообороны, дозволенной ст. 51 Устава ООН, дерогация в международном праве прав человека, неприменение ряда международно-правовых гарантий к государству-агрессору (Dörr, Schmalenbach 2018: 1381-1383) и др.⁷). То есть было бы преждевременным утверждать, что государство не вправе исключать для себя действие уже взятых на себя международных обязательств всегда и во всех случаях, даже если речь идет о защите национальной идентичности.

Национальная идентичность и принцип невмешательства во внутренние дела государств. Поскольку национальная

⁵ Permanent Court of International Justice. Treatment of Polish Nationals and Other Persons of Polish Origin or Speech in the Danzig Territory. Advisory Opinion of 4 February 1932. § 61-62. URL: https://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1932.02.04_danzig.htm (дата обращения: 10.10.2024).

⁶ International Law Commission. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. Adopted by the International Law Commission at its fifty-third session, in 2001. P. 37–38. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 08.10.2024).

⁷ Сказанное, однако, не отменяет того факта, что у каждого из приведенных примеров допустимого отступления от норм международного права имеются четкие пределы, определенные самим же международным правом. Так, считается, что самооборона, реализуемая в порядке ст. 51 Устава ООН, допускается только в ответ на вооруженное нападение (O'Meara 2022: 322-323), а дерогация в рамках европейского правозащитного механизма возможна не иначе как при условии соблюдения надлежащей процедуры в виде уведомления об этом Генерального секретаря Совета Европы (п. 3 ст. 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года).

идентичность обычно детерминируется через систему ценностей, ее следует считать продуктом самобытного культурного развития общества. Международно-правовые акты признают право на такое развитие, причем именно в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств.

В современном международном праве, основанном на системе ООН, данный принцип исторически формулировался исключительно как негативное обязательство государств не совершать действия, направленные на вмешательство во внутренние дела друг друга. Такие формулировки используются в Уставе ООН (п. 7 ст. 2), двусторонних соглашениях (например, индийско-китайское соглашение о «Пяти принципах мирного сосуществования» 1954 года) и актах международных конференций (Бандунгские принципы 1955 года).

Культурный аспект данного принципа был подчеркнут Генеральной Ассамблеей ООН в Декларации о принципах международного права 1970 года. Декларация предлагает квалифицировать любые угрозы (вооруженные или невооруженные) в отношении культурных основ государства как нарушение принципа невмешательства во внутренние дела, а также как «применение силы, имеющее целью лишить народы их национальной самобытности»⁸. Более того, впервые Декларация привнесла в содержание данного принципа позитивно-правовой элемент, а именно право государств на выбор культурной системы без вмешательства извне.

Между тем представляется, что даже такого прямого указания на наличие у государств соответствующих прав не вполне достаточно для вывода о том, что государства обладают правом на национальную идентичность согласно общему международному праву, тем более – на отступление от его положений в целях ее защиты. О последнем текст Декларации 1970 года предсказуемо не говорит. Кроме того, следует учитывать, что сама по себе Декларация является актом мягкого права.

⁸ UN General Assembly. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations 1970. Adopted at the 25th Session of UN General Assembly, on 24 October 1970. A/RES/2625(XXV). URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_RES_2625-Eng.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

Действительно, Суд в решении по делу *о военных активностях в Никарагуа и против Никарагуа* признал, в т.ч. со ссылкой на Декларацию, что запрет вмешательства во внутренние дела государства означает недопустимость вмешательства в выбор культурной системы⁹. Однако Суд здесь же оговаривается, – очевидно, предостерегая расширительное толкование своих выводов, – что поскольку обращение Никарагуа касается актов именно вооруженного вмешательства, Суд в данном деле будет проверять на предмет соответствия принципу невмешательства только такие акты¹⁰. Более того, Суд указал на то, что противоправным является не всякое вмешательство, а лишь характеризующееся определенной степенью принуждения¹¹. В дальнейшем Суд также апеллировал к принципу невмешательства не иначе как в ситуациях, связанных с применением силы¹², т.е. в условиях очевидности принуждения. При этом характерно, что Суд за долгое время не обратился к данному принципу в иных контекстах, в т.ч. культурных.

Более того, неготовность к расширительному толкованию принципа невмешательства демонстрируют и сами государства. Это показывают, например, возражения против применения принципа невмешательства при квалификации межгосударственных кибератак. В частности, Россия занимает довольно категоричную позицию и указывает на недопустимости «простой экстраполяции» норм международного права на киберпространство, в т.ч. принципа невмешательства¹³. США, признавая, что кибератаки могут нарушать данный принцип, оговариваются, что

⁹ ICJ. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (Nicaragua v. United States of America). Judgment of 27 June 1986. § 204. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. § 205.

¹² ICJ. *Armed Activities on the Territory of the Congo* (Democratic Republic of the Congo v. Uganda). Judgment of 19 December 2005. § 164. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/116/116-20051219-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

¹³ UN General Assembly. Official compendium of voluntary national contributions on the subject of how international law applies to the use of information and communications technologies by States submitted by participating governmental experts in the Group of Governmental Experts

«принцип невмешательства рассматривается как относительно узкая норма международного обычного права»¹⁴.

Наконец, немаловажно, что аргументы в пользу национальной идентичности обычно выдвигаются в контексте неисполнения решений международных органов по защите прав человека. В то же время распространена позиция, согласно которой права человека и их защита не могут являться внутренним делом государства, представляя собой предмет международной озабоченности (Slater, Nardin 1986: 88). По этой причине, в частности, обсуждается вопрос о допустимости гуманитарной интервенции, являющейся легализованной формой вмешательства в дела государства (Rodley 1989: 332).

Таким образом, право государства на национальную идентичность очевидно не вытекает из принципа невмешательства – как по причине его негативного характера, так и в силу затруднительности его расширительного толкования.

Национальная идентичность и право народов на самоопределение. На первый взгляд, имеются предпосылки к тому, что право на национальную идентичность может проистекать из права народов на самоопределение. Они обнаруживаются в Декларации о принципах международного права 1970 года, согласно которой все народы вправе свободно, без вмешательства извне осуществлять свое культурное развитие. Кроме того, такие предпосылки сформулированы Международным Судом ООН в консультативном заключении по *делу о правовых последствиях политики и практик Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим*, где отмечено, что право народов на самостоятельное культурное развитие является ключевым элементом права на самоопределение¹⁵.

on Advancing Responsible State Behaviour in Cyberspace in the Context of International Security established pursuant to General Assembly resolution. Adopted at the 76th Session UN General Assembly, on 13 July 2021. A/76/136. P. 81. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2021/08/A-76-136-EN.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁴ Ibid. P. 139-140.

¹⁵ ICJ. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem. Advisory Opinion of 19 July 2024. § 241. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-adv-01-00-en.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

Складывается впечатление, что содержание права на самоопределение может быть выявлено более точно, чем содержание принципа невмешательства, в т.ч. для целей защиты национальной идентичности. Более того, право народов на самоопределение обладает более высоким правовым статусом, поскольку в отличие от принципа невмешательства, с точки зрения Комиссии международного права ООН, оно является нормой *jus cogens*¹⁶.

Между тем исторически право народов на самоопределение является продуктом демонтажа колониальной системы. Приведенные выше формулировки Декларации о принципах международного права 1970 года буквально идентичны положениям Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года¹⁷, в которой они и появились впервые. Этот исторический контекст усматривается и в практике Международного Суда ООН, который даже в 2024 г. признает за правом на самоопределение статус императивной нормы международного права только в случаях иностранной оккупации¹⁸. Анализируя более ранние решения Суда, следует признать, что судебная практика по данному вопросу является нерегулярной и нестабильной. Так, если в консультативном заключении по делу о правовых последствиях строительства стены на оккупированных палестинских территориях Суд касался вопроса содержания права на самоопределение хотя бы отчасти¹⁹, в дальнейшем, например, в заключении по делу о соответствии международному праву декларации

¹⁶ International Law Commission. Draft conclusions on identification and legal consequences of peremptory norms of general international law (*jus cogens*), with commentaries. Adopted by the International Law Commission at its seventy-third session, in 2022. P. 16. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_14_2022.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁷ UN General Assembly. Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples 1960. Adopted at the 15th Session of UN General Assembly, on 14 December 1960. URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/unga/1960/en/7290> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁸ ICJ. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem. Advisory Opinion of 19 July 2024. § 233.

¹⁹ ICJ. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion of 9 July 2004. § 88.

независимости Косово, Суд вовсе устранился от него²⁰. Что же касается национальной идентичности, в доктрине международного права нет консенсуса насчет того, какие факторы являются решающими для реализации права на самоопределение: субъективные (в т.ч. связанные с идентичностью) или объективные (например, территориальные). Соответственно, и право на самоопределение – с учетом его обремененности историческим контекстом – не может являться достаточной основой для возникновения у государств права на национальную идентичность в том смысле, в котором оно рассматривается в настоящем исследовании.

Заключение. Верховный Суд Канады в решении по делу *о некоторых вопросах, касающихся сепарации Квебека*, указывал на необходимость строгого различия между правом народа действовать и его конкретными правомочиями на эти действия²¹. Пожалуй, именно поэтому и был поставлен вопрос о наличии у государств права на национальную идентичность. Ответ на этот вопрос необходимо получить прежде, чем исследовать конкретные правомочия государства, в частности, правомочие по отступлению от своих отдельных обязательств в качестве крайней меры защиты идентичности.

Выводы, полученные в настоящем исследовании, не определяют ответа на эти вопросы и свидетельствуют лишь о том, что они должны быть рассмотрены в более широком международно-правовом контексте. Если обнаружение права на национальную идентичность в контексте рассмотренных принципов затруднительно (в т.ч. потому, что об их содержании приходится судить по консультативным актам судов, *stricto sensu* не имеющим обязательной силы), оно может быть обнаружено в контексте иных принципов, что является задачей дальнейших исследований. В частности, сэр М. Вуд и М. Джамнежад полагают, что ответ кроется в правоприменительном

²⁰ ICJ. Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo. Advisory Opinion of 22 July 2010. § 82-83. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

²¹ Supreme Court of Canada. Reference re Secession of Quebec. Judgement of 20 August 1998. 2 SCR 217. § 106. URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do> (дата обращения: 07.10.2024).

концепте свободы усмотрения государств при разрешении особенно чувствительных для них вопросов (Jamnejad, Wood 2009: 377)²², в т.ч. в свете принятых в этом государстве ценностей, составляющих идентичность его общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зорькин В.Д. 2017. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. № 4. С. 1–40.

Шабров О.Ф. 2023. Национально-государственная идентичность в контексте глобального противостояния: проблема устойчивости социальных систем // Социально-политические науки. Т. 13, № 4. С. 16–26. DOI 10.33693/2223-0092-2023-13-4-16-26

Dörr O., Schmalenbach K. (eds.) 2018. Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary / Ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. 2nd ed. Berlin : Springer-Verlag. 1535 p.

Jamnejad M., Wood M. 2009. The Principle of Non-intervention // Leiden Journal of International Law. Vol. 22, № 2. P. 345–381.

Kennedy P. 2001. Introduction: Globalization and the Crisis of National Identities // Globalization and National Identities. Crisis or Opportunity? / Ed. by P. Kennedy, Catherine J. Danks. Basingstoke : Palgrave. P. 1–28.

O'Meara C. 2022. Reconceptualising the right of self-defence against 'imminent' armed attacks // Journal on the Use of Force and International Law. № 1. P. 278–323. DOI 10.1080/20531702.2022.2097618

Palchetti P. 2018. International Law and National Perspective in a Time of Globalization: The Persistence of a National Identity in Italian Scholarship of International Law // KFG Working Paper Series. № 20. P. 3–15.

Palombino F.M. 2015. Compliance with International Judgments: Between Supremacy of International Law and National Fundamental Principles // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. № 75. S. 503–529.

Rodley N.S. 1989. Human Rights and Humanitarian Intervention: The Case Law of the World Court // The International and Comparative Law Quarterly. Vol. 38, iss. 2. P. 321–333. DOI 10.1093/iclqaj/38.2.321

²² Эти же авторы не исключают, что нарушением принципа невмешательства могут являться, например, отдельные случаи противоправного телевидения и пропаганды на территории другого государства (Jamnejad, Wood 2009: 374). Как известно, современные телекоммуникационные технологии могут весьма активно влиять на общественное мнение и, как следствие, на отношение к принятым в обществе ценностям, что в контексте национальной идентичности имеет особое значение.

- Slater J., Nardin T. 1986. Nonintervention and Human Rights // The Journal of Politics. Vol. 48, № 1. P. 86–96. DOI 10.2307/2130926
- Worster W.T. 2016. Relative International Legal Personality of Non-State Actors // Brooklyn Journal of International Law. Vol. 42, № 1. P. 207–273. DOI 10.2139/ssrn.2682444

Viktor D. Balakaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: balakaev.work@gmail.com

“To strive, to seek”: Searching the Right to National Identity in General International Law

Abstract. In the emerging context of a multipolar world order, providing for the protection of sovereignty and national identity from external threats becomes an urgent task. At the same time, destructive attitudes aimed at undermining national security and identity can be transmitted through international institutions. Such a situation necessitates the development of legal mechanisms by means of which states may protect their national identity. However, such mechanisms must also consider the possibility that exceptional situations may arise in which the protection of identity becomes impossible without refusing to fulfil one or another international obligation. The exceptional nature of the task consists not only in it forcing us to look for ways to deviate from the norms of international law, since, in the first place, it is necessary to ensure that states have the right to national identity and an appropriate means of protecting it. The present study opens a series of articles aimed at analysing the provisions of general international law that permit or limit the use by states of various mechanisms to protect their own national identity. Here, the aim is to provide a justification on the part of states to assert their national identity within the international legal order. In the present work, this issue is discussed in light of the principle of non-interference in internal affairs and the right of peoples to self-determination. Based on judicial practice, acts of the main organs of the UN and international legal doctrine, a conclusion is reached that the right of states to assert a national identity cannot be discovered in these principles. The reasons for this include the uncertainty of their positive legal content and the historical features of their origin, as well as the consequent impossibility of their broad interpretation. This does not mean, however, that states do not possess the sought-after right at all; on the contrary, the search for it can and should continue.

Keywords: national identity; international law; principle of non-interference in internal affairs; right of peoples to self-determination; International Court of Justice